

АЙЛИН ЛИН

Донна Роза

Айлин Лин
Донна Роза

«Автор»

2023

Лин А.

Донна Роза / А. Лин — «Автор», 2023

Никогда не верила в случайности и совпадения, а уж в то, что загаданное в далёком детстве желание исполнится в старости: кто бы мне такое сказал, так я бы рассмеялась ему в лицо... Но желание сбылось благодаря стечению многих обстоятельств и вот моя душа в другом теле, в другом мире, в жаркой солнечной Италии, правда только средневековой... а ещё у меня есть муж, загадочный, вечно угрюмый жгучий брюнет, и куча долгов, не моих, а семьи мужа. Но теперь ведь и я часть его семьи, не так ли? А значит, в стороне остаться не выйдет. Что же, где наша не пропадала? Огромное спасибо всем, кто зажигает звезды и оставляет комментарии)

© Лин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Айлин Лин Донна Роза

Глава 1

– О, Родриго! Не покидай меня! – девушка с красиво вьющимися белокурыми волосами, картинно вскинула руки в сторону замершего у приоткрытой двери мужественного, статного гор-рячего! мужчины.

– Мария! – глубокий голос Родриго вызвал сонм мурашек по телу, – я не могу бросить Каситу! У неё будет ребёнок от меня...

– Но она же обычная служанка из бедняков! Как ты смеешь променять меня на неё? – тут я поверила страдающей девушке, она натуральным образом взвыла, голубые глаза сверкнули злобой и обидой.

Ответ главного героя моего любимого сериала узнать мне было не суждено: раздался звонок в дверь.

– Да кого это там принесло? В двенадцатом-то часу ночи? – проворчала я, грузно поднимаясь с места. Только ради любимых героев я ждала три раза в неделю до полуночи, в иное другое время – часов в девять, я уже крепко спала, чтобы проснуться в три утра и маяться от бессонницы. – Кто там? – рыкнула в дверь. Смотреть в глазок не было никакого смысла: темень на площадке стояла гуще, чем в подворотне – никто и никогда не стремился заменить сгоревшую лампочку. Это делала я, когда был запал, но вот уже неделю неважно себя чувствовала и сил ни на что не хватало.

– Бабушка Роза, это я, Алиса, – раздалось с той стороны. Моя внучатая племянница, любимая и обласканная мной.

– Дорогая моя! – быстро повернув замок, распахнула дверь, тут же на меня налетел маленький ураган, но смести такую колоритную во всех отношениях женщину, как я – это надо постараться. – Ты чего так поздно-то? Опасно одной ходить по такой темени!

– Бабулечка, радость моя, с днём рождения! – сияя зелёными глазищами, племяншка тут же протянула мне небольшую коробку.

– С днём рождения? – а какое сегодня число-то? Ох, и действительно, уже наступило четырнадцатое мая, день моего появления на свет.

– Да как же ты забыла, бабуля? – Алиса скинула тонкую кофточку, кроссовки и потопала мимо меня. – Пойдём-пойдём, хочу, чтобы ты поскорее открыла мой подарок!

– До подарка дело дойдёт, а перво-наперво поставим чайник. Ты замёрзла, поди? – поинтересовалась я, аккуратно укладывая коробку на кухонный стол и поворачиваясь к плите, на которой стоял мой чайничек.

– Чаепитие подождёт! – всплеснула руками неугомонная егоза, – а презент нет!

– Скорее уж ты "нет", а подарку ничего за минуту не сделается, – хихикнула я, как самая настоящая молодка. Нетерпение внучки оказалось заразным и передалось мне. – Ладно уж, давай, погляжу, чего ты там удумала на сей раз, – и, потянув красивую алую ленту, развязала бантик, убрав крышку, уставилась на большой альбом, в кожаном переплёте. В центре красовалась я, и не я одновременно!

– Ой, матушка моя! Какая красота-то! Небось сама сделала? Ручки у тебя золотые, – бормотала я, присаживаясь на стул и беря в руки подарок.

У меня не было своих детей, как так вышло и вспоминать не хочется, печальная то история, но вот с Алиской, единственным ребёнком родной племянницы, я обожала возиться с самого её рождения. Может потому что эта миловидная девчушка была так похожа на меня

саму? А как умерла Вероника, оставив на моих руках свою пятилетнюю дочь, так и вовсе, ближе этого замечательного ребёнка у меня более никого не осталось. Я вложила в неё всю свою любовь, полностью обеспечив девушке обучение в хорошем вузе. Сейчас она работает в престижной строительной фирме дизайнером интерьеров, а совсем недавно под залог моей квартиры, девушка смогла взять ипотеку, хоть я и сказала, чтобы жила со мной, поскольку единственной наследницей всё равно являлась именно она. Но Алиса превратилась в сильную и независимую женщину, оттого настаивать я не стала: ей виднее, как распоряжаться своей жизнью. Но что особенно грело мою душу, так это то, что за советом она всегда бежала ко мне.

И вот сейчас я открыла сделанный её талантливыми ручками альбом.

– Как ты так обработала мои чёрно-белые фотографии? Они тут цветные и такие, – я замолчала, подбирая нужное слово, – как новые, вот, точно! И я на них, словно звезда кинематографа.

Моя жизнь была скучной, хотя всё своё детство я мечтала о красивой судьбе. О счастливом браке, большом доме, интересной работе. Даже как-то, в порыве невероятного мистического подъёма, на краю обрыва у речки, где стояла деревенька, в которой я родилась, загадала желание...

Перевернув ещё листы с моими фотографиями, я вдруг наткнулась на белоснежный конверт.

"Моей любимой и единственной бабушке Розе" – было написано на нём.

– Что это? – отчего-то в горле резко стало сухо, словно меня неожиданно выкинули в пустыню.

– Оо, – сделала круглые глаза Алиска, и даже похлопала в ладошки, – наконец-то! Открывай скорее!

Я взяла кухонный ножик и аккуратно надрезала конверт, руки дрожали и унять тремор было выше моих сил. Из недр конверта прямо на чистый стол упал прямоугольный плотный лист бумаги. Яркий такой, с сине-лазурным морем вдаль, на переднем плане аккуратные разноцветные многоэтажные домики, стоявшие плотно, чуть ли не друг на дружке с красными и желтоватыми черепичными крышами. И много-много зелени вокруг.

– Открытка? – негромко предположила я, беря её в руки и переворачивая другой стороной, – ой...

– Это путёвка в Италию, родная моя! С днём рождения! И пусть все самые смелые твои мечты обязательно исполнятся! Тем более загранпаспорт у тебя давно есть, не зря же я когда-то заставила тебя его сделать.

Я бы непременно хлопнулась в обморок, но опыт не пропьёшь, и я выстояла. И шок постепенно вылился в кучу нервных восклицаний:

– Алисонька, девочка моя, да куда ж я на старости-то лет полечу? Самолётом в своей жизни летала пару раз, и то не очень далеко. А тут, считай, на край света отправить меня хочешь! Не поеду я никуда. Тем более одна!

– Полетишь! – упрямо выдвинув подбородок, заявила внучка. – И ни за что не волнуйся! Там всё включено: и трансфер, и проживание, и экскурсии, и медицинская страховка. Одна ты не будешь, в любом случае с тобой отправится куча туристов из нашего города.

– С тобой я бы ещё подумала, а так нет, – тряхнула головой, я тоже могла быть упёртой и глухой, – всё, лучше ты сама слетай, отдохнёшь. А мне, старой, на кой всё это? Море, белый песок...

Алиса уговаривала меня ещё с час, но, не добившись от меня положительного ответа, обидевшись, вызвала такси и уехала. Я же осталась одна. Пройдя на кухню, подошла к окну, поглядела, как внучка садится в машину, и уезжает. Взгляд сам собой метнулся к красочной путёвке.

Рим.

Моя тайная мечта. И надо же именно в этот город Алиса купила мне билет.

Ночь не спала, лишь под утро забылась тяжёлым сном, в котором я снова стояла на краю обрыва и кидала в реку старую монетку, подаренную мне моей прабабушкой. Она обещала, что желание непременно сбудется.

Кто же знал, что именно тогда, когда я буду уже на пенсии?

"Разве возраст имеет значение?", – шепнул чей-то ласковый голосок.

"Ты заслужила", – добавил другой.

"Время исполнения желаний пришло", – напоследок прошелестел третий, и я проснулась.

И ведь большую часть ночи не спала, но чувствовала себя на удивление полной сил. Потянувшись к телефону, набрала номер внучки.

– Алло? Бабушка? – бодрый голосок Алисы разлился теплом в груди. Внуча была отходчива и уже перестала на меня дуться.

– Дорогая моя, что нужно для поездки?

– Ааа! – крик восторга чуть не оглушил, вызывая на моём лице глупую улыбку. – Ура! Я знала, я знала, что ты согласишься! Я сейчас отпущусь и весь день проведу с тобой. Нам предстоит многое успеть, ведь вылет уже через несколько дней! – засуетилась она и, быстро попрощавшись, положила трубку.

Если бы я знала, во что выльется моё согласие, дважды бы подумала, прежде чем звонить внучке. Сама бы как-нибудь справилась со сборами. Но, словно её молодая энергия перетекла и ко мне, а походы по магазинам и даже о божечки! примерка купальников, всё это мне отчего-то пришлось по душе. Я будто бы скинула добрые два десятка лет...

Аэропорт гудел, словно растревоженный улей. Туда-сюда сновали люди и работники. Объявлялись посадки. Алиса сопровождала меня до самого зала ожиданий, но перед осмотром у металлодетектора мы с ней тепло простились.

– Береги себя, Алисонька, внученька, – обняв девушку как можно крепче, прошептала я.

– Непременно, ба! А ты отдохни там за нас обеих! В следующий раз я обязательно полечу вместе с тобой, а в этот раз вырваться с работы никак не получилось бы, – улыбнулась она, я заметила в глубине её красивых зелёных глаз восторг и предвкушение будущих путешествий.

Самолёт набрал высоту, я вцепилась в подлокотники руками, задержав дыхание от страха. Но через несколько минут, когда заложенность в ушах прошла, а железная птица выровняла свой полёт, я выдохнула и немного расслабилась. Что же, моё странствие началось. И я очень надеюсь, что оно принесёт мне радость.

Глава 2

Рекламные буклеты не вдали – даже с высоты птичьего полёта вода казалась идеально прозрачной. Апеннинский полуостров зеленел далеко внизу и моё сердце при виде такой красоты зашлось от восторга, вот-вот и выскочит. Я даже прижала ладонь к груди, стараясь унять его заполошный бег.

Жалела ли я, что согласилась на старости лет на подобную авантюру? Спроси меня кто сейчас, я скажу, что нет, ни капли...

От нетерпения поскорее пройтись по улочкам Рима, прогуляться по его шикарным паркам, посетить великие достопримечательности, сохранившиеся до наших дней, зазудели ладони, а затёкшая, ноющая спина отступила на второй план.

В сумочке лежал путеводитель, я, конечно, непременно буду ходить на каждую экскурсию, каких бы мне это физических усилий ни стоило, но и вечером прогуляться в то или иное тайное местечко, которое не входит в стандартную программу, тоже планировала.

Энергия бурлила во мне, а душа замерла в ожидании чуда.

Почему меня так тянет в эту страну? Что связывает нас? Родилась я в сибирском городе, вообще в противоположной стороне, считай, на другом конце света. Странно всё это. Но, отбросив лишние мысли в сторону, сосредоточилась на происходящем, а тем временам самолёт начал снижение.

Железная птица коснулась взлётно-посадочной полосы своими шасси, тряхнуло немного, но я даже испугаться не успела, а мы уже спокойно катили по тёмно-серому асфальту. Раздались аплодисменты: пассажиры таким образом благодарили пилотов за мягкую посадку, а также кто-то облегчённо выдохнул и заулыбался. В их число входила и я: всё же страх никуда не делся, пусть я его и гнала куда подальше. Пять с лишним часов практически неподвижного сидения на одном месте изрядно меня вымотали. Но, посмотрев ещё раз в окошко, почувствовала, как настроение стремительно ползёт вверх, у меня словно открылось второе дыхание.

Я прилетела.

Моё желание сбылось.

На выходе из аэропорта стояло несколько автобусов – каждый отправлялся по определённому маршруту. Найдя среди этого множества нужный мне с табличкой, с названием нескольких отелей, где значился и нужный мне, я вошла внутрь и выбрала свободное место, практически в самом конце и у окна.

К слову, Рим встречал вновь прибывших хлебом и солью – ярким солнцем, обдувающим ветерком и, конечно же, своим колоритом. Всю дорогу до гостиницы я не отлипала от окна, с жадностью впитывая всё, что мой взгляд мог охватить.

В отеле было комфортно и уютно: в большом главном холле стояли мягкие диванчики и кресла с декоративными подушечками, столики с буклетами, вазы с цветами, везде сновали туристы и приветливые работники. На стойке регистрации меня встретила вежливой улыбкой приятная девушка, выдала браслетик и ключи от номера, мне даже с чемоданами помогли, услужливый портье оказался весьма расторопным.

Завтрак, обед и ужин всё входило в путёвку.

И в этот же день во второй половине дня, проглотив вкусный обед, я отправилась на экскурсию.

Рим – это срез мировой истории от древнейших времён до наших дней и, возможно, именно поэтому его до сих пор называют Вечным городом. Есть Рим античный, средневековый, ренессансный, барочный и, наконец, Рим современный.

В соломенной белой шляпке, больших солнцезащитных, как у черепахи Тортилы, очках, просторном светло-бежевом сарафане и удобных сандалиях с сумочкой, куда я положила бутылку

лочку воды, шоколадный батончик и телефон, я буквально летящей походкой вырвалась из объятий здания и вбежала в небольшой автобус для экскурсий.

Где мои двадцать лет? Нет их, растеряла груз лет во время пути в Италию, а душа моя всегда была молодой и жаждущей приключений! Мысленно похихикав, откинулась на мягкую спинку сиденья.

Наша группа туристов отправилась в Пантеон. Солнце жарило, как в последний раз, но стоило мне оказаться под сводами этого архитектурного шедевра, как я почувствовала благословенную прохладу, дышать стало легче, и вообще вся мирская суета отошла куда-то на задворки сознания.

Пантеон даже спустя две тысячи лет после его постройки поражаёл воображение людей современности. Вот оно воплощение мощи и силы Римской империи. Но отчего-то я подумала в первую очередь не о величии ушедшей в историю империи, а задумалась о вечном – о Вселенной. Глядя вверх, на купол и на солнечный свет, льющийся из его отверстия, ощутила единение с космосом, с иным пластом реальности. Это были, как сказала бы внучка, очешуительные ощущения! Просто изумительные по своей полноте эмоции. Я была словно обнажена перед взором Всевышнего и защищена одновременно.

Просто удивительно!

Дальше наша небольшая группа отправилась в барочную церковь ордена иезуитов Сант-Иньяцио, после неё в базилику святой Марии над Минервой.

На другой день, не давая себе передохнуть, буквально закрыв глаза на гудящие ноги и ноющую поясницу, я отправилась с теми же людьми в Колизей...

А вечером прогулялась по главной улице исторического центра Рима – Виа дель Корсо, выпила чашечку кофе, послушала уличных музыкантов, восхитилась красотой ночного города...

– Роза, – заговорщически обратилась ко мне Людмила, задорно блестя своими голубыми глазами, – а давай с нами?

– Куда? – поинтересовалась я, вопросительно поглядев на женщину, с которой познакомилась во время многочисленных туристических вылазок. Она была такой же маньячкой до активного отдыха, как и я. Активный отдых в нашем случае – это поглядеть на достопримечательности. В отличие от её лучшей подруги Светланы, эта женщина предпочитала всё время проводить у бассейна и загорать.

– Совершите увлекательную экскурсию по древней Аппиевой дороге, – отставив чашечку с чаем, с выражением зачитала она из брошюрки, – одной из первых улиц Рима. Также известной как "Королева улиц", она пересекает знаменитый парк дельи Акведотти, важный биологический коридор в центре Рима, – сделав внушительную паузу, огорошила: – На велосипедах. Это же так заманчиво, не находишь?

– На велосипедах? – ужаснулась я, мне натурально поплохело: сколько лет я не садилась на это транспортное средство? Даже представить страшно, если я всё же решусь...

– Есть ещё вариант на лошадках.

На лошадях? Это звучало ещё хуже: где я, и где кони?

– Не всё ли равно на чём или ком, Роза, ну когда у тебя выдастся ещё шанс так отдохнуть?

А?

Может, больше и никогда, мелькнула мысль.

– А давайте я пешочком, следом за вами? Мне уже сколько лет? Какие велосипеды... разве что на трёхколёсном, но такой навряд ли там сыщется! А лошадь я даже и не рассматриваю!

– Вся прелесть именно в быстром движении, дорогая Роза, – растягивая слова, улыбнулась Светлана.

Ага, кто бы говорил!

Света, словно что-то прочитав на моём лице, снисходительно добавила:

– Но мы всё понимаем, тебе возраст не позволит, да и болячки ему сопутствующие, – тут Люда не выдержала и пихнула подругу локтем, но та договорила: – помешают насладиться прогулкой в полной мере, – и сказано это было так... в общем, неприятно кольнула меня эта холёная красотка возрастом чуть за сорок, но ухоженная и деловитая. И что объединяло столь разных людей, как Люда и Света? А ещё я отчего-то сразу поняла, что она взревновала свою подругу ко мне. Так никто ей не мешал ходить по городу вместе с нами...

– А вот мои болячки тебя вовсе не касаются, – фыркнула в ответ, но беззлобно, – я с вами.

– Вот и славно, – обрадовалась Людмила и засобиралась. – Экскурсия начнётся сегодня после четырёх вечера, когда духота чутко спадёт.

"Королева улиц" поражала яркостью и пышностью зелени, растущей вдоль аккуратной дороги. Велосипеда мне не нашлось. Я была дамой весьма упитанной и колоритной, оттого экскурсовод предложил взгромоздиться на смирную усталую лошадь.

Ехидный взгляд Светки меня покорила и я, упрямо сжав губы, согласилась на эту авантюру.

И сначала всё было просто прекрасно: коняшка медленно несла свою тяжёлую ношу, я глядела по сторонам и полной грудью вдыхала дивные ароматы античности, которые, казалось, пропитали всё вокруг: от мощёной дороги до деревьев и даже синего с редкими облачками неба.

На очередном повороте велосипедисты и некоторые, кто так же как я, оседлал непарнокопытных, ускорились и я, чтобы не отстать от них, осторожно сжала пятками лошадиные бока, вот только та осталась глуха к моим понуканиям. Я повторила, но порезче и посильнее, и уже отчаялась, когда животное, до того смиренное и равнодушное, вдруг ни с того ни с сего резво бросилось вскачь.

– А-а-а-а!... – заорала, завизжала я, шляпка улетела куда-то в сторону, от страха я зачем-то бросила вожжи и, как следствие, на очередном крутом повороте пушечным ядром вылетела из седла. Полёт мой был наверняка весьма зрелищным, вот только недолгим.

Встреча с землёй не принесла ничего хорошего: грузно бухнувшись оземь, затылком треснувшись обо что-то твёрдое и острое. Страшный треск... невыносимая вспышка боли и мир померк...

Глава 3

– Синьорина Роза, – настойчивый голос пробивался через пелену боли. Голова трещала так, что, казалось, вот-вот и расколется. – Как вы? – кто-то осторожно прикоснулся к моему плечу. Это простое действие вызвало волну боли по всему телу.

– Оо, – простонала я и смогла-таки разлепить веки. Первое, что увидела это полные беспокойства карие глаза какой-то женщины. – Пиить, – прохрипела я, испугавшись собственного голоса. Он был другим, даже интонации иные. И говорила я не по-русски, чудны дела твои...

Память возвращалась урывками, и всё же я смогла вспомнить и конную прогулку по Аппиевой дороге, и как вылетела из седла взбесившейся кобылы, будь она неладна!

Тем временем испуганная женщина исчезла из поля зрения, а веки мои снова потяжелели, но через пару мгновений меня осторожно приподняли и прижали к губам край какой-то фляжки. Жадно присосавшись, осушила всё до дна. И мне было глубоко фиолетово, что вода имела странный болотистый привкус, и ещё оказалась омерзительно тёплой.

– Я отправила пастушка Абеле, что пас неподалёку коз, в поместье. Простите моя синьорина, но без помощи дона Росселлини мы не справимся. У вас сильный ушиб головы, шишка выскочила...

Синьорина? Но я далеко не юная девушка, я бабушка уже.

Вода чуть взбодрила, стало легче дышать и минут через десять тишины, я попросила девушку помочь мне сесть.

Она ловко приобняла меня за плечи, и я с кряхтением приподнялась. С помощью незнакомки и даже оперевшись об неё, приняла более-менее вертикальное положение. Голова всё же закружилась несмотря на всю осторожность.

Что же, если больно, значит, я жива. А это обстоятельство уже невероятно радует.

Теперь странности: на мне было платье из явно дорогой лёгкой ткани, но блёкло-зеленоватого, какого-то невнятного окраса, подпоясанное на античный манер под грудью такого же цвета кушаком, также я была укутана в плотный бархатный плащ грязно-винного, с примесью ржавчины, оттенка; на узких стопах красовались мягкие кожаные, то ли балетки, то ли туфли, явно кустарного производства, ибо были всё же грубоваты и даже немного, но отличались друг от друга длиной. На тонкой, вовсе не моей талии, висел кожаный кошель. Он был скорее пуст, чем полон, потому что, когда я к нему прикоснулась, там звякнули от силы пару монет. Руки тоже были не мои: тонкие кисти, белоснежная, полупрозрачная кожа, даже вены были видны. Сделав вид, что хочу потрогать голову и саднящую шишку, подняла ладонь к лицу и быстро пробежалась по гладкой коже щёк, лба, коснулась мягких, пушистых точно не моих волос. Ссадину на затылке тоже тронула, едва-едва, поскольку было очень больно, а шишка пугала размерами.

Я чувствую боль, тело, пусть пока и с трудом, но послушно мне, ощущаю запахи, слышу звуки леса... Это точно я и это не сон, это страшная, пугающая в своей загадочности реальность. Но ведь такого быть не может? Али может?

– Зачем вы, синьорина Роза, тревожите рану! Не стоит! Лучше пусть лекарь поглядит.

– Как тебя зовут? – решила я и поймала полный удивления и тихой паники взор.

– Синьорина, вы н-не помните? Ох же, пресвятая Матерь Божья Мария! Вам память отшибло! – девушка натурально испугалась за меня, я это почувствовала, так не сыграешь. Значит, прежняя хозяйка тела, как страшно-то звучит! была ей небезразлична.

– Наверное, – поморщилась я, потому что меня немного затошнило и голова снова закружилась. Сотрясение, не иначе.

– Эмилия меня зовут, я ваша личная служанка! Вы меня Эми кличете, – губы девушки задрожали.

Я моргнула, благодаря за ответ и открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, как в поле моего зрения появилась, медленно ступая, красивая с тонкими ногами, гнедая лошадь.

– Вы пытались сбежать от судьбы вам уготованной, – прошептала Эмилия, проследив за моим задумчивым взором. – Вон и моя кобылка. Мы сорвались поутру, когда ещё солнце не взошло, скакали быстро, чтобы успеть к вашему возлюбленному, но вы налетели на тот сук, и вас вышибло из седла.

Девушка говорила быстро, словно боялась не успеть.

Вдруг вдали послышался топот и какой-то странный надсадный скрип, даже земля чуть задрожала, и чем ближе был весь этот шум, тем хуже становилось мне. Любое внешнее воздействие причиняло мне физические неудобства: голова закружилась, а к горлу подкатил тошнотворный ком. Тем не менее сжав челюсти, я повернула голову в ту сторону, откуда доносились противные звуки и увидела, как из-за угла выскочила кавалькада из дюжины всадников, не меньше, и рванула прямо в нашу сторону. Самой последней ехала карета, знавшая лучшие времена и именно она так жутко грохотала, пугая живность на много миль окрест.

– Боже, это невыносимо! – прошептала себе под нос и сжала уши руками, лишь бы хоть немного приглушить противные звуки.

– Синьорина Риччи, – рядом с нами первым поравнялся всадник на вороном с мощной грудью жеребце. – Как вы? – голос был холоден и странно равнодушен.

– Жить буду, – тихо ответила я, мужчина замер против солнца, и я смогла разглядеть лишь силуэт, черты лица остались скрыты, да и неинтересно мне было, поскольку в первую очередь меня заботило собственное состояние, – но пока встать и самостоятельно двигаться не могу.

– Позвольте помочь вам, – глубокий баритон был всё так же льдисто-неприятен, но тем не менее, незнакомец спешил и подошёл ко мне, чтобы очень бережно поднять меня на руки.

Странное ощущение, должна признаться. Я уже и забыла, каково это, когда тебя без всяких усилий, словно пушинку, несут сильные мужские руки. Неожиданно, но даже боль чуть отступила перед тем смущением, что опалило щёки и кончики ушей. Молодой человек пах... хвоей и ветром, я чуть приподняла глаза и натолкнулась на жгуче-чёрные, опушённые длинными, загнутыми кверху, ресницами. Он смотрел точно на меня, вгоняя в краску пуше прежнего. Впервые за много лет я растерялась. Не зная, как быть, прикрыла веки, чтобы собраться с мыслями.

Через несколько мгновений меня осторожно уложили на лавку внутри той самой кареты-развалюхи.

– О нет! – встрепенулась я, затолкав пробудившиеся странные чувства, куда подальше, – эта колымага добьёт меня! – взмолилась я не на шутку испугавшись. – Уж лучше верхом!

– Вы уверены, синьорина Риччи? – нахмурился мужчина и я снова посмотрела в чёрные, словно бездонные омуты, глаза.

– Синьор, простите, я не знаю, как вас зовут, но в своём решении уверена, – на мои слова, незнакомец нахмурился.

– Вы не помните, кто я?

– А должна? – огрызнулась я, когда болит голова и ноет всё тело, не до расшаркиваний.

– Дон Росселлини, синьорина Роза сильно ударилась головой, – рядом со мной возникла Эми, – и отчего-то не помнит никого, – голос её снова задрожал, я уже испугалась, что молодая женщина сейчас разревётся, но нет, она смогла сдержаться.

– Вот как, – пробормотал дон, и в голосе его мелькнуло сожаление.

А дальше он махнул кому-то и приказал:

– Фредерико, возьми синьорину Розу, – после его слов меня накрыла странная волна разочарования, мне хотелось, чтобы... что? Роза, не дури!

И каково же было моё удивление, когда этот самый Фредерик, оказавшийся хмурым великаном, подхватив меня на руки, подал моё вялое тело уже оседлавшему своего мощного жеребца дону Росселлини. А радость, кольнувшую куда-то в центр груди, я постаралась побыстрее заглушить.

Кавалькада во главе с доном Росселлини двигалась неспешно, явно из-за меня, ибо быструю скачку выдержать мне было не по силам. Укутанная в свой же ржаво-коричневый плащ, бережно прижатая к широкой мужской груди, где под самым ухом ровно билось его сердце, я уснула.

А проснулась от криков людей:

– Ты нашёл её! – разлепив веки, уставилась на злорадно скривившую красивое личико женщину. Та стояла на широкой лестнице перед большим из тёмно-серого камня особняком. – Дорогая моя дочка, – прытко подскочив к нам, она хотела было сдёрнуть меня вниз, но тот самый Фредерико оказался проворнее, и, перехватив меня из рук дона Росселлини, осторожно поставил на ноги.

Я качнулась, как ветка на ветру, но Эмилия перехватила меня и помогла выровняться.

– Донна Риччи, – голос моего спасителя был вежлив, но от него веяло такой стужей, что даже я поёжилась, кажется, дону не нравилась эта тётка, и я отчего-то разделяла его неприязнь. – Синьорина Роза сильно ушиблась головой. У неё рассечён затылок и налилась шишка, благо, кровь запеклась и перестала бежать. Вам бы лучше кликнуть лекаря – синьора Альберто, пока я отнесу вашу падчерицу в её комнаты.

Донна Риччи, оказавшаяся, если верить словам дона Росселлини, моей мачехой, недовольно поджала и без того тонкие губы, но кивнула соглашаясь.

А дальше меня снова подхватили на руки и понесли куда-то вперёд. Быстро, но аккуратно.

Двери в комнату распахнула расторопная Эми и дон, внеся меня внутрь, уложил на кровать.

– Отдыхайте, синьорина Роза, скорейшего вам выздоровления, – кинув на меня нечитаемый взгляд, мужчины вышел из помещения.

Глава 4

Интерлюдия

Возвращение домой вышло... странным. Видеть счастливые лица людей, занятых ежедневной рутинной, спешащих куда-то по своим очень важным делам, принимать здравицы ото всех тех, кто был рад возвращению молодого господина на родную землю. С невольной улыбкой смотреть на беззаботно смеющихся детей, так и норовящих коснуться его боевого коня и с восхищением глядящих на броню молодого дона Росселлини. Всё это было странным, но тем не менее находило отклик в его, казалось бы, зачерстневшем сердце: все эти пасторальные картины бальзамом проливались на израненную душу.

Его не было практически три года, которые он провёл на войне.

Война... бессмысленная, кровопролитная. Дарио потерял почти всех своих друзей, большая часть его кавалерии осталась на поле брани...

Душевные раны будут с ним до конца его дней, он был уверен в этом, кошмарные сны, преследующие его из ночи в ночь, никуда не денутся и останутся вечными его спутниками. В то же время телесные уже затянулись, и со временем станут всего лишь незаметными шрамами.

Тряхнув головой, Дарио отогнал назойливые, печалующие его мысли, и сосредоточился на настоящем.

– Сын, послушай меня. И прошу не судить строго, – говорил ему отец, замерев перед распахнутым окном; мужчина с седыми пышными волосами выглядел уставшим. Измотанным и безнадежно потерянным. – Война коснулась и нас: корсары потопили все наши корабли с товаром, несколько раз... и теперь у нас ничего не осталось. Если я не отдам кредиторам всё, что у них взял вместе с процентами, то, боюсь, этот дом, все прилегающие земли вокруг и даже больше: наша городская резиденция в столице – всё это уйдёт с молотка. Они как стервятники, ничего нам не оставят.

– Мне платили за службу, – нахмурился Дар, с беспокойством глядя на отца. – Этого, возможно, будет достаточно для погашения основного долга?

– Нет, – старший Росселлини резко развернулся, чтобы стыдливо глянуть в глаза единственному сыну и наследнику.

Дарио напрягся, чувствуя, что всё последующее ему очень не понравится.

– Я недоговорил, сын, – старый дон подошёл к столу и налил себе вина, чтобы промочить горло. – Купец Риччи давно предлагал мне союз, он богат, весьма... Я дал согласие. Тебе придётся жениться на его старшей дочери синьорине Розе.

– Что-о? – Дар ожидал чего угодно, даже что ему лично придётся работать в поле, но уж точно не этого.

– Девушка недурна собой, образованна, станет тебе прекрасной женой и хозяйкой, – зачистил дон Росселлини, поправляя чуть дрожащей рукой волосы. – А её приданое я уже получил и пустил в дело.

– погоди, – Дарио буквально выскочил из кресла и как тигр в клетке, заметался туда-сюда. – Ты хочешь сказать, что наша семья по уши в долгах, и ты, чтобы поправить положение, сговорился о браке с купеческой дочерью, уже взял приданое от синьора Риччи и пустил в дело. Дай-ка догадаюсь, – слова, как острые камни сыпались на старого дона и тот даже как-то сжался от чувства вины, втянув голову в плечи, – снова купил корабли, забил трюмы отменным товаром и отправил их в плавание?

Наследник рода Росселлини негодовал, да что уж там! он был в ярости. В его планы женитьба пока не входила, да ещё и не по любви. Он, безусловно, понимал, что на любовь рассчитывать сложно (аристократы чаще всего заключали браки по расчёту), но хотя бы на взаимную приязнь – вполне.

– Ты верно догадался, вся сумма уже была пущена в дело. Но я убеждён, что мои помощники распродадут всё втридорога и мы снова будем на коне! – помявшись, всё же добавил: – Прости, сын. Купец Риччи предложил самое богатое приданое за свою дочь. Он так хотел породниться с древним родом, что был согласен на всё, – дон устало сел в кресло и посмотрел на Дарио своими карими глазами.

– Получается, это теперь дело чести, – не спросил, констатировал Дар, дон Луиджи промолчал – фраза сына вовсе не требовала каких-либо ремарок.

Тишина, повисшая в кабинете, стала густой, напряжённой и даже колючей. Молодой наследник уже так много повидавший и не понаслышке знавший, что любой долг платежом красен, подошёл к распахнутому окну и вдохнул горячий послеполуденный воздух, глядя на зелёные поля за высокими стенами ограды, на которых ходили немногочисленные караульные, коих действительно стало гораздо меньше, чем до его отбытия на войну с Франкией за территорию Северной Витэлы (*прим. автора: мир параллельный, географические названия будут отличаться*). Да и слуг в доме существенно поубавилось, всё это он подмечал, но не придавал значения.

– Хорошо, папа, – принял решение Дарио, ибо иначе поступить просто не мог. – Я согласен. Никто и никогда не говорил, что Росселлини не держат слова. Так останется и впредь. Только я должен знать, какая она синьорина Роза, чтобы быть готовым и понимать, чего мне от неё ждать...

Приезд невесты в сопровождении многочисленной охраны и телег, забитых сундуками, состоялся через пару недель после того памятного разговора. И вот сейчас, стоя на крыльце своего замка и глядя, как к главному входу подъезжает шикарный экипаж, Дарио даже немного заволновался: всё же, это его будущая жена, с которой ему предстоит жить и растить детей. Какая она? Почему-то ему хотелось верить, что синьорина Риччи окажется нежной и ласковой, послушной и доброй хозяйкой его замка. Ох, как же он ошибался!

Не успел слуга дома Росселлини отворить дверцу, и помочь выйти наружу очень красивой яркой девушке, как она, неприятно сморщив носик, возмущённо воскликнула:

– Где ковровая дорожка?! – от столь визгливого голоса Дар поморщился – до того её пискляво-истеричные интонации резали по ушам, – расстелить немедленно! Не желаю ступать по этому грязному, пыльному двору своими новыми туфельками!

– Не смей показывать свой гонор! – рявкнули из недр кареты, – веди себя подобающе! Или ты забыла, что тебе грозит? – голос принадлежал другой женщине, был он холодно-высокомерен. Также неприятен. Девушка, услышав окрик, плотно поджала губы, всем своим видом выражая презрение ко всем окружающим, но всё же спесь поубавила.

За те несколько дней, что синьорина Роза провела в качестве невесты, от неё устали все. И от её мачехи, оказавшейся моложавой дамой лет тридцати, тоже. Обе стояли друг друга. Бедный синьор Риччи. То-то он выглядел весьма усталым и больным: обе змеюки вытягивали из него все жизненные соки. Но если от дочери он вскорости избавится, скинув на руки Дарио, то вот с женой ему ещё долго сосуществовать.

– Дон Дарио, позвольте составить вам кампанию? – как-то вечером синьор Жакоб спустился в главный зал к горящему камину, перед которым в одиночестве сидел задумчивый молодой дон.

– Да, конечно, – учтиво склонив голову, Дар дождался, когда будущий тесть присядет в соседнее кресло. – Луиза, подай вина, – приказал он служанке, проходившей мимо.

– Я вот о чём хотел с вами поговорить, – через некоторое время, держа в руках кубок с тёплым вином, заговорил синьор Риччи снова. – Не думал, что моя дочь поведёт себя столь вызывающе... Буду честен: Роза не обладает должной кротостью, и в том львиная доля моей вины. Я был практически постоянно занят, поскольку любое дело всегда требует жёсткой руки и не терпит пренебрежения. Но сейчас не о том речь. Её мать умерла от родильной горячки,

и всё то время, пока я не женился во второй раз, девочка оказалась предоставлена самой себе и росла, как маленькая принцесса – ей ни в чём не было отказа, таким образом, мне хотелось восполнить своё отсутствие в её жизни. И даже вот этот брак с вами – это своего рода попытка искупить вину, дать Розе дорогу в аристократическое общество Витэлы. Столичные балы, шикарные наряды – обо всём этом она всегда мечтала. Но...

– Но? – Дар заинтересованно вскинул правую бровь, делая небольшой глоток вина. Благодарный букет, терпкость и бархатистость напитка вызвала удовлетворение и даже добавили чуточку оптимизма всей той ситуации, в которой он оказался. А говорить о том, что пока не придут корабли Росселлини, синьорина Роза ни на какие столичные балы не попадёт, он не стал.

– Вы можете отказаться от этого союза, – своим заявлением синьор Риччи весьма удивил Дарио, молодой мужчина посмотрел на купца с большим уважением. – Не думал, что Роза настолько некрасиво будет себя вести.

– Я человек слова, к тому же договор уже подписан. Если вашу дочь отправить домой, то это плохо скажется на её репутации. Вы хороший человек, синьор Жакоб. А синьорина Роза ещё слишком юна, и её порывы простительны. Всё с годами проходит.

– Точно подмечено! – облегчённо выдохнул купец. – Моя дочь неплохая, нужно просто терпение и время... В целом, Роза обладает всеми теми знаниями и умениями, что присущи аристократке. Её учили вести хозяйство, она замечательно вышивает, музицирует...

А за пару дней до свадьбы девушка отправилась на конную прогулку, которая закончилась для неё так толком и не начавшись: на полном скаку она вылетела из седла, к счастью, отделавшись лишь неглубоким порезом и шишкой.

И вот теперь, когда он принёс раненую и растерянную девушку в её опочивальню, то не мог понять, что же изменилось? Роза не хамила, не истерила и ничего не требовала. Она смотрела на всё окружающее так потерянно, что Дарио почувствовал укол жалости. А ещё, если верить словам служанки, его невеста потеряла память.

Глава 5

Я не успела толком разглядеть особняк: голова кружилась и продолжала пульсировать, да и мачеха несколько выбила из колеи. Зато вот помещение, куда принёс меня дон Росселлини, рассмотрела в подробностях, пока собиралась с мыслями и вообще всю себя в кучу. Сердце ныло об Алисоньке, как она там без меня будет? Не хочу даже представлять, какой шок и горе испытает моя девочка. А ещё, я очень на это, надеюсь, она не будет винить во всём произошедшем себя. Алиса – разумная девочка, и друзья у неё замечательные, одну не оставят, а там и забудется...

Комната, где, по всей видимости, жила Роза, оказалась небольшой и несколько угрюмой. Но были и плюсы, а я всегда в первую очередь искала именно их: мне понравилось, что здесь было много хорошо обработанного дерева. Дубовыми панелями были обиты стены ровно до середины, дальше шёл неприглядный камень, из которого, собственно, и было построено это здание; окна занавешены светло-серыми шторами, и пусть их цвет был не очень праздничным, даже унылым, зато ткань отличалась чистотой и радовала глаз аккуратными складками. Само окно, единственное в помещении, представляло собой проём без каких-либо рам или наличников, даже подоконника не было и было забрано толстыми разноразмерными слюдяными пластинами, плохо пропускавшими солнечный свет.

Тут и там лежали какие-то вещи, явно брошенные впопыхах, и ни одной ткани яркого, насыщенного цвета.

Моя кровать была ближе к односпальной, если судить по размерам, и удивляла нереальной твёрдостью – давно я такого под своим телом не ощущала, привыкла поживать на удобных подстраивающихся под изгибы моего тела ортопедических матрасах. Подушка была, но такая тощая, словно и нет её.

– Погодите, синьорина Роза, сейчас кликну горничную, она принесёт и подстилку вашу, и подушку. Вы велели их вытрясти и сменить уже запревшую траву на свежую, поскольку не любите, когда вас кусают мелкие гады.

Представив клопов или вшей, которые могут обитать в местных аналогах постельного белья, моё тело натуральным образом зачесалось. Я даже потянулась было к волосам, но вовремя одумалась. В данный момент есть куда более насущные проблемы, требующие незамедлительного решения.

– Говори, – вздохнула я, видя, что Эмилия порывается что-то сказать, но не может осмелиться.

– После падения вы стали такой молчаливой, – нерешительно проговорила Эми, она всё это время простояла рядом с кроватью, с жалостью вглядываясь в моё лицо. Да, наверняка поведение этой Розы сильно отличается от той, прежней. Но о том, что в теле девушки сейчас совершенно другая душа, признаваться я вовсе не собиралась. Святую инквизицию никто не отменял, как и дома для умалишённых тоже.

– Эми, – разлепила я сухие губы, не зная, что ей ответить, сказала иное: – будь добра, подай воды.

Молодая женщина быстро кивнула и подскочила к квадратному столику у противоположной стены, на котором стоял глиняный кувшин и такой же глиняный стакан.

Утолив жажду, почувствовала зверский голод. Но сначала мне нужны ответы.

– Подстилка и подушка – подождут. Не суетись, – твёрдо сказала я, удобнее оперевшись спиной о высокое изголовье кровати, приготовилась к небольшому допросу, в данном случае собственной служанки.

– Расскажи обо мне... – но договорить мне не дали: дверь резко, безо всякого стука, распахнулась, и внутрь фурией влетела мачеха, а следом вошёл старичок божий одуванчик.

Белая бородка забавно подёргивалась в такт его шагам, телосложения мужчины был субтильного и даже изящного. Тонкие длинные пальцы могли бы выдать в нём пианиста, но я уже догадалась, кто это – тот самый обещанный лекарь.

– Роза, – чуть гнусаво обратилась ко мне донна Риччи, я поморщилась от её тона (всегда корбило, когда меня называли "Рози"), голова снова разболелась, – синьор Альберто местный лекарь, он непременно вылечит тебя. Ведь тебе нельзя долго хворать! Уже завтра ожидается прибытие первых гостей, у нас свадьба на носу, а ты вздумала падать с лошади и расшибать свою бедовую... мхм, в общем, синьор Альберто, прошу вас, сделайте всё возможное, чтобы моя девочка побыстрее поправилась!

Свадьба? Чья? Не моя ли? А ежели так, то за кого? Эти мысли молнией пронеслись в воспалённом мозгу. Тем временем синьор подошёл ко мне и попросил показать ему рану. Я всё делала на автомате и чуть не заорала на всю округу, как этот эскулап со всей силы нажал на шишку.

– Что вы делаете?! – не ожидала от себя такой прыти, но очутиться на другом краю кровати оказалось секундным делом!

– Хворь ваша, синьорина, мне ясна как божий день! У вас скопилась кровь, нужно её выпустить, – важно заметил старичок, сам же полез за пазуху, вынимая какой-то свёрток. – Неси таз, – приказал он Эмилии, замершей подле дверей испуганной мышью.

Я же смотрела, как этот недолекарь размотал тряпицу и гордо продемонстрировал нам всем небольшой, грязный нож.

– Ч-что вы собрались?... Кровопускание! – тут же догадалась я, и внутри сначала прошла волна страха, а потом и ярости, – да ты, никак убить меня задумал? Своим грязным ножом порезать? – всё напряжение вылилось в гневную тираду. – Не смей приближаться ко мне, синьор! Ты не врач, ты... ты...

– А ну, прекрати истерить! – набросилась на меня донна Риччи, сначала с удовлетворением глядевшая на нож, а после с нетерпением на, как оказалось, охочего до чужой крови старикашку. – Как язык повернулся повышать голос на уважаемого синьора!

– Что тут происходит? – в дверях появился дон Росселлини. Его тёмные брови сошлись на переносице, превратившись в грозную линию, а чёрные глаза сверкали неудовольствием.

– Дон Росселлини, – поклонившись владельцу земель, залепетал лекарь, – надобно сделать кровопускание синьорине Риччи! Иначе застой обещает превратиться в гниющее отверстие, а там и преставиться недолго!

– Ну уж нет! Дон Росселлини, – откуда у меня взялись силы? Не знаю, но я была намерена прогнать эскулапа из своей комнаты куда подальше, чего бы мне это ни стоило. – Я знаю сама, что делать. Мне нужна чистая кипячёная вода, чистые же тряпицы и соль. Читала книгу, где было написано, как лечить такие ссадины и ушибы. И в ней ясно предупреждали, что резать больного не надо!

Не знаю, что больше подействовало на молодого мужчину: мой умоляющий взгляд, уверенность, с которой я всё это ему заявила, или же любопытство.

После минутного молчания, нарушаемого пыхтящим дуэтом эскулапа и мачехи, Росселлини наконец-то принял решение:

– Хорошо. Вам всё это предоставят, – но перед уходом оглянулся и ещё раз уточнил, вдруг странная девица успела передумать: – Помощь синьора Альберто вам точно не нужна?

– Совершенно, уважаемый дон. Благодарю вас! Мне ещё поесть бы, – уже гораздо тише добавила я, из меня словно вытянули последние силы и я как-то сдулась.

– Эмилия, сходи на кухню, принеси синьорине Розе горячий обед, – приказал он девушке, дождался, когда та поспешно выйдет из комнаты, после чего перевёл взор своих пронзительных глаз на притихшую парочку: мачеху и врача.

– Донна, синьор, прошу, – и недвусмысленно повёл рукой, предлагая им покинуть помещение.

Затем, снова задумчиво глянув в мою сторону, вышел сам, тихо прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Я осталась одна и обессиленно вытянулась на жёсткой кушетке. Прикрыв воспалённые глаза, задумалась: эта маленькая, но такая важная для меня победа, осталась за мной. Что же будет дальше?

Глава 6

Эмилия вернулась достаточно быстро, сгрузила поднос с чашами на столик у окна и повернулась ко мне, что-то прикидывая в уме. После чего решительно подвинула к моей кровати тяжёлый стул и, взяв в руки одну из трёх мисок, под села ко мне с намерением покормить, словно я дитё малое.

– Эмилия, я в состоянии поесть сама, – хмыкнула я и медленно села, после чего также не спеша встала и прошла к столику с моим обедом.

– Синьорина, вы совсем себя не бережёте! – покачала головой Эми и вернула мне миску с супом.

Еда была нехитрой, но до чего же вкусной! Простой, не изысканной, но ароматы и текстура, ммм, ням! Прозрачный с золотистыми кружочками жира бульон, явно из какой-то птицы, подозреваю, что курицы, с мелко порезанными овощами. Серый, ещё горячий, хлеб с аппетитной корочкой, мелко порезанная зелень в качестве дополнения и тонко нарезанный козий сыр. Посыпав суп зеленушкой, уложила сыр на хлебушек и приступила к трапезе.

Не успела я съесть и пары ложек, как в дверь постучали и моя помощница бросилась её отворять. В комнату вошли две служанки в странных серых чепцах и грязно-коричневых платьях длиной до щиколоток, грубые деревянные башмаки вызвали у меня волну ужаса и содрогания – бедные женщины, как они в этом ходят? Одна из них несла какой-то холщовый мешочек и стопку тряпок, другая таз с горячей водой. Мне тут же до зуда, захотелось помыться, но сначала следует доесть.

– Синьорина Риччи, господин велел снести всё это к вам, – неуклюже присев, замерли на пороге в ожидании позволения войти.

– На сундук поставьте, – сказала я им и с интересом проследила как они, довольно спорно, цокая, как подковами по каменному полу, прошмыгнули к монструозному предмету мебели, уложили на плоскую крышку свою поклажу и рванули на выход, при этом, стараясь лишний раз на меня не смотреть. Забавные какие, будто я их могу съесть.

– Эми, будь добра, раствори ложку соли в горячей воде, можешь взять мою кружку, – вздохнула я, предстояло обработать рану, а это точно не самая приятная процедура. Щипать будет знатно.

Сама же, пока девушка выполняла моё поручение, практически доела суп, а вот с хлебом не задалось – в меня больше просто не лезло. Вот и радоваться подобному обстоятельству или печалиться? Раньше всего этого мне было бы мало – на один зуб, а сейчас я ощущаю полное насыщение. Нужно привыкать, и кабы не боль по всему телу, я бы даже могла насладиться ощущением лёгкости, ведь новое тело весило максимум пятьдесят килограммов, а то и меньше. Думать, что мне около восемнадцати было страшно, такие мысли пугали и вгоняли в ступор. А ещё я боялась возвращения настоящей Розы, той девушки, чьё тело заняла моя душа. Может ли она вернуться? А если да, то как быть мне? Зависнуть призраком между небом и землёй, между мирами и не будет мне покоя. Или ещё что похуже? Отчего-то я была уверена, что назад в своё тело вернуться уже не смогу: то падение было фатальным. Отогнав пугающие мысли, справедливо заметила: буду решать проблемы по мере поступления.

Тем временем помощница закончила с приготовлением солевого раствора и я, сев удобнее, велела:

– Возьми чистую тряпицу, намочи в той же горячей воде, будь осторожна, не обожгись, после промой мою рану от крови и мелкого мусора.

Молодая женщина кивнула и приступила к работе. Её тонкие прохладные пальцы разобрали причёску на пряди, после чего она открыла шишку и ссадину на ней. Я слышала, как она тихо пыхтит от усердия, стараясь не сделать мне больно.

Самое неприятное, как я и думала, оказалась обработка солевым раствором. Щипало очень сильно. Ядрёная у них тут соль однако, или я отвыкла от такого натурального антисептика, люди моего времени давно обходились альтернативными средствами, например, перекисью водорода или хлоргексидином. Можно было бы попросить заварить ромашку лекарственную, но я не была уверена, как она правильно тут называется – в голове не нашлось аналогов.

– Спасибо, Эми, – поблагодарила я её. От всех этих манипуляций головокружение лишь усилилось и с помощью девушки, я вернулась к себе на кровать.

– Ой! – встрепенулась вдруг она, – совсем запамятовала, подстилку надобно воротить и подушку вашу!

– Это подождёт, – вяло отмахнулась я, а чтобы не уплыть в объятия Морфея, спросила, потому что потом могло быть поздно: – Расскажи обо мне. Я ничего не помню, Эми. Совсем ничего... – и изобразить на лице глубокую печаль не составило труда, потому что я скучала по Алисоньке, и была на самом деле сильно дезориентирована.

Эмилия всплеснула руками, я же указала на стул, что так и остался стоять рядом с кроватью:

– Садись. Кто мои родители, чем я увлекалась, в кого была влюблена и за кого выхожу замуж, а главное, зачем?

Служанка кивнула и, сев на стул, принялась рассказывать:

– Вас зовут синьорина Роза Риччи, вы дочь зажиточного купца, синьора Жакоба и синьоры Марии, ваша матушка преставилась после родов, дав вам жизнь. Вам было три зимы от роду, и меня взяли в дом синьора Риччи, как вашу помощницу по играм.

Этот факт был интересен. Вот откуда такая привязанность и преданность.

– А также вы с детства часто играли с нашим соседом, синьором Викензо Бруни, третьим сыном барона Бруни. И тогда задумали выйти за него замуж. Викензо подговорил вас бежать с ним, усыпить бдительность вашего отца и жениха, взять как можно больше украшений с собой, и мчаться к нему. Он должен был ждать вас в деревушке неподалёку. Но вы упали с лошади и, как видите...

Эх, молодость, горячие безрассудные поступки ради любви, сколько о ней спето песен, сложено стихов...

– А что ты сама думаешь о синьоре Викензо?

Эмилия тут же нахмурилась и поджала губы.

– Говори как есть. Я всё равно ничего не помню, буду верить твоим словам, – мне и правда больше ничего не оставалось. В отличие от всех остальных слуг, которые отчего-то опасались даже на меня смотреть, Эмилия не была такой затюканной. Допускаю, что та Роза всё же её по-своему, но любила. Даже одежда и обувь на моей помощнице служили тому доказательством: неплохого качества и состояния.

– Простите, синьорина Роза, но господин Бруни дурной человек, – глаза её зло сверкнули, кулаки сжались, и я на секунду подумала, а не приставал ли он к самой Эми? Хмм... Но выводы я для себя сделала.

– Кто мой будущий муж? – этот вопрос был одним из самых главных, если это какой-нибудь богатый мерзкий старик, то вариант побега рассмотрю ещё раз, правда, только не к Викензо, а сбегу одна, поселюсь в какой-нибудь глуши, в чаще лесной, буду спать на земле, а одеялом мне будет служить синее небо. Вкушать дары природы и... моя бурная фантазия разыгралась не на шутку, и я лишь покачала головой, стараясь отогнать назойливые мысли.

– Дон Росселлини, – тут же ответила девушка.

– Старший или младший? – делая вид, что совершенно спокойна, уточнила я.

Эмилия округлила в удивлении глаза и впервые слегка улыбнулась:

– Конечно, тот, что молодой. Синьор Риччи любит вас, балует, он не отдал бы свою дочь дряхлому старцу. Прежде чем выбрать вам суженого, господин Жакоб разузнал о нём и сказал,

что дон Дарио достойный сын, сам вызвался пойти на войну, хотя мог и откупиться, – было видно, что девушка повторяет слова теперь уже моего отца. – Вы станете аристократкой, вас будут приглашать на столичные балы, вы посетите театральные постановки, и, возможно, даже сможете увидеть самого короля! – девушка мечтательно прикрыла веки. Я же покачала головой: балы, представления, встреча с королём? О чём это она?

Но мысль о том, что мой будущий муж тот самый молчаливый и вечно хмурый красавчик-брюнет с чёрными омутами глаз, отчего-то заставила вздрогнуть, тело покрылось невольными предательскими мурашками. Мне молодой человек показался спокойным, и вроде неплохим, чуйка меня редко подводила, стоило ли ей довериться и в этот раз? А что ещё делать? У меня сейчас и выбора-то особого нет, лишь одно желание: не попасть на костёр из-за неосторожно сказанного слова и вжиться в новую реальность.

– Вы умаялись, – мягко проговорила Эми, она встала и подошла ко мне, чтобы накрыть меня тонким пледом, – поспите, вам нужно набраться сил.

– Эмилия, помыться бы, да переодеться, – уже уплывая в сон, пробормотала я. Разговор и сытная еда сделали своё дело – силы меня покинули.

– Вечером всё будет готово, госпожа, – услышала я на краю сознания, – отдыхайте...

Глава 7

Прospала я до самого вечера. Открыла глаза и сначала не поняла, где нахожусь, в первые несколько секунд бессмысленно пялилась в распахнутое окно, откуда виднелся кусочек темнеющего неба с уже проступившими мелкими звёздами, ветром до меня доносились ароматы пекущегося хлеба, луговых трав и... навоза. Странное сочетание, но какое-то правильное, что ли? Запахи и звуки большого города отсутствовали напрочь. Привычные и теперь такие недоступные.

Мысли лениво текли от одного к другому, я думала о судьбе и её непредсказуемости, а ещё в глубине души была рада проснуться. Чувствовать себя живой. Мне дарован ещё один шанс попытать удачу, возможно, даже ощутить радость материнства. От этой мысли, которую я невольно допустила, привычно заняло в центре груди...

До определённого периода в своей жизни я всегда была ведомой кем-то, послушной и доверчивой. Сначала надо мной верховодил отец, затем муж. И не потому, что слаба характером, а потому что считала, что в здоровой семье главным должен быть именно мужчина. Папа заложил эту мысль в мою голову, там она и засела. Тётя Люба же считала меня чрезмерно доброй, но повлиять на моего отца даже не пыталась, такой он был непробиваемый человек.

Детство и юность провела в маленькой деревне, отец был строг и как только я получила школьный аттестат, запретил мне ехать в большой город, чтобы я могла попытать удачу и поступить в учебное заведение. Матери я не знала, смутные воспоминания, да и только. Если верить папе, то она просто сбежала, оставив трёхлетнюю дочь с ним в деревне. И так и не вернулась за мной. Родитель боялся, что город меня испортит, что я стану "той девкой", как он любил говорить, когда малость выпьет.

Круг моего общения ограничивался родной тётей и её дочерью Вероникой. Мы крепко дружили, пока они вдруг не продали всё, что у них было, и не переехали в город в соседней области. Редкие письма, вот и вся связь, что у нас осталась.

Своего будущего супруга мне также не было дано выбрать: просто пришёл сосед и сговорился с отцом. Так, я вышла замуж за Никиту. Первое время было даже неплохо. А потом он из-за отсутствия нормальной работы, начал уезжать и трудиться вахтами на стройке. Домой возвращался всегда злой и с копейками в кармане, на вопрос "а где, собственно, заработок?", отмахивался и огрызался. Но не бил.

Так и жили. Мой мир был скучен и неинтересен, ограничиваясь вышиванием (именно благодаря этому таланту я сама себе зарабатывала на жизнь), огородом и мелкой немногочисленной живностью. А также субботними наездами в райцентр на рынок, где и сбывала навязанное да нашитое.

Но были и вечера, полные тайн, когда передо мной открывались невероятные загадки иных миров, параллельных вселенных, где оживали принцы, монстры, драконы и дивные русалки. Я читала много, взахлёб.

Как-то я набралась решимости и упросила супруга обеспечивать меня книгами. Он же, поворчав первое время, всё же стал привозить мне десятки книг в клетчатой китайской сумке, лишь бы только я отстала от него и не кланчила деньги. И пусть эти книги были потёртыми, потрёпанными и вообще не первой свежести, уж не знаю, где он их покупал, но всё это меня совершенно не заботило. Прочитанные тома, отвозила в райцентр в местную библиотеку, и отдавала им задаром.

К концу второго года моей "счастливой" супружеской жизни неожиданно скончался отец. Я, наверное, по-своему его любила, не знаю, да чего уж там вспоминать? То-то и оно, что не следует.

А потом началась странная полоса неприятностей, закончившаяся для меня трагедией.

Я забеременела. Наконец-то! Помню, какой счастливой я тогда себя ощущала, ведь на свет должен был появиться малыш или малышка, кому я подарю всю свою любовь и заботу.

В тот роковой день с самого утра чувствовала боль и тяжесть внизу живота. Никита тогда был дома, на мои просьбы завести мотоцикл и свозить меня в больницу в районный центр никак не отреагировал, кинув: лежи немного, авось полегчает. Так дотянула до позднего вечера, а уж когда пошла кровь... Муж побледнел и всё же сорвался везти меня к врачу. Дорога до посёлка занимала всего полчаса, но они показались мне вечностью. Бесконечной дорогой мученика, раненого и истекающего кровью. Тогда мне убрали только одну трубу, вместе с эмбрионом. Внематочная.

С Никитой в тот период мы даже как-то сблизились, он вдруг открылся мне немного с другой стороны, начал делать подарки, чтобы я хотя бы иногда улыбалась. А потом, когда вроде бы всё позабылось, снова пришли боли, они мучили, не отпускали, не давали нормально жить. Обследования, бесконечные анализы, сельская поликлиника, затем городская. Всё было бесплатным, кроме дороги.

И вот я женщина без матки.

Человек, но какой-то уже неполноценный...

Слёзы, бессилие, непонимание, ярость, даже ненависть. Впервые в жизни я так кричала, впервые в жизни я повысила голос на мужа. И сказала ему уйти. В глубине души надеясь, что всё же не оставит, ведь последние полгода у нас вроде как наладилось, мы даже стали симпатизировать друг другу. Но он ушёл, понимая, как и я, что у нас не будет детей... никогда...

Тогда мне помогло не сломаться не спиртное, никогда не понимала тех, кто топит боль в вине, мне помогло стремление заполнить пустоту. Я собирала себя по кусочкам, криво-косо, вставляя элементы пазла по местам.

Мир разделился на размытое полное боли "до" и осмысленное понимание, что должно быть полноценное "после".

Никита уехал в город, дом, в котором мы жили вместе, принадлежал по документам только ему. Но у меня оставалось папино наследство. И я, пока не передумала, собрала свои вещи, заколотила окна и двери и, выставив отцовскую недвижимость на продажу, уехала. К тётке, далеко в Сибирь.

Меня лихорадило, во мне словно что-то проросло: жажда, стремление жить! Если бы я осталась в деревне, я бы просто сошла с ума от тоски.

Тётушка Люба встретила меня на вокзале. Мы обнимались и плакали. Перебивая друг друга, что-то говорили...

Она и Вероника проживали в небольшой комнате, в общежитии, но тем не менее они приняли меня к себе, нашли дополнительную раскладушку и выделили место в шкафу для моих вещей. Мы вместе разработали дальнейший план действий. В общем, благодаря опять же тёте Любе, бывшей поваром в детском саду, я пошла туда же сначала посудомойщицей, потом, поступив заочно в пединститут, меня повысили до нянечки, а затем и до воспитательницы. Рядом с детьми мне было легче всего, таким образом я восполняла страшную пустоту в груди.

Годы летели, я стала намного увереннее в себе, устроилась учительницей химии в школу, мне нравилась моя работа, я просто обожала удивлять детей, проводить с ними необычные опыты. Личной жизни как таковой не было: редкие партнёры в постели, не более. Второй раз замуж так и не вышла: как только я думала, что мне нужно признаться в своей неполноценности, так вся влюблённость превращалась в дым, отдавая во рту горечью абрикосовой косточки...

Створка двери достаточно громко скрипнула, заставив меня вздрогнуть и одновременно отвлечься от мыслей о прошлом из той, теперь другой жизни.

– Госпожа, – внутрь вошла Эмилия, в руках она держала крупный даже на вид тяжёлый подсвечник с тремя горящими свечами. – Вы уже проснулись?

– Да, Эми, – вздохнула я и медленно села, тело затекло – всё же кровать была ужасно жёсткой.

– Сейчас принесут бочку и натаaskaют воды, я уже распорядилась на кухне, – деловито доложила она, подходя к столу и ставя шандал на столешницу. – А после доставят и ужин. Как вы себя чувствуете?

Я прислушалась к себе: затылок ныл, но уже не так сильно.

– Лучше, – уверенно ответила я, – рану нужно обработать после ванной повторно.

– Всё сделаю в наилучшем виде, госпожа, – закивала Эмилия, тут в дверь постучали, и девушка бросилась открывать.

Бочка была вместительной, высотой чуть выше моей талии, и около восьмидесяти сантиметров в диаметре. Ну, в принципе, это лучше, чем ничего. Затем те же служанки накрыли дно и стенки бочонка серой выдавшей вида простынёй, я понадеялась, что всё же чистой, а после натааскали воды, сначала холодной, потом горячей.

Эмилия помогла мне раздеться, подняться по приставной табуретке и забраться в бочонок с парящей водой.

О! какое блаженство! Я даже глаза прикрыла от наслаждения. Мылом служила некая жижа, пахнувшая травой и животным жиром. Я далеко не привереда, у меня есть цель: помыться, и тут главное, чтобы это средство хоть немного выполняло свою функцию. И оно так неплохо мылилось.

– Сегодня прибыли соседи донна Росселили: дон Арландо и донна Камилла с дочерью синьориной Далией. Я краем глаза их видела, такие важные... – девушка щебетала, делясь со мной сплетнями, я молчала, полностью отдавшись власти её умелых рук. Она тёрла, мяла мои напряжённые мышцы, затем аккуратно намылила волосы и промыла из ковша тёплой водой.

– Завтра придёт синьора Берни, портниха, принесёт ваше свадебное платье на примерку.

Её слова вывели меня из состояния неги. Свадьба. Совсем скоро.

Неясное томление разлилось по телу, а в голову полезли несвойственные мне мысли. А ещё глухая уверенность, что у меня не может быть иначе, чем в той жизни... или может?

Глава 8

– Ваш папенька обещался зайти к вам сразу после ужина, – оповестила меня Эмилия, помогая выйти из бочки. – Синьор Жакоб и дон Луиджи уезжали на дальние виноградники и только вернулись.

Новость, что вот-вот явится отец заставила напрячься. Вот те раз, а я как-то и позабыла, что у меня тут есть родитель. Ни мачеху, ни нового отца я видеть не желала. Но кто меня спросит? То-то и оно, что моё мнение в этом вопросе не учитывалось. Никем.

Вкусный ужин из тушёных овощей и свежего хлеба чуточку поднял настроение, я даже продумала линию поведения с родителем – буду хлопать жалобно ресницами и даже пущу слезу, если понадобится: ведь стоит подумать о любимой внученьке, так они сами на глаза наворачиваются.

Доев рагу, попросила Эмилию обработать мою рану ещё раз. И только стоило ей закончить, как в дверь громко стукнули и тут же створка распахнулась, пропуская в комнату круглого мужчину среднего роста с копной чёрных с густой проседью волос. Нос крупный, загнутый книзу, чуть тяжеловатый подбородок и тёмные с хитринкой глаза, сейчас глядящие точно на меня и в их глубине я заметила нешуточную тревогу.

– Доченька! – воскликнул он с порога, в моей голове зазвенело, я не удержалась и чуточку поморщилась, заметив мою гримасу, мужчина истолковал её по-своему и, махнув Эмилии, – поди вон, – подошёл ко мне, присел на одно колено и взял мои тонкие полупрозрачные руки в свои крупные лапищи-лопаты. – Розочка моя, я только вернулся и сразу же мне доложили о беде с тобой приключившейся! Как ты, маленькая моя?

– Папа, – голос дрогнул, как же давно я не произносила этого слова, – голова болит, и.. – голос мой натурально задрожал, слёзы наполнили глаза, замирая на кончиках ресниц и обещая вот-вот пролиться, – я.. я ничего не помню, – "призналась".

И без того большие глаза мужчины стали ещё шире, он как-то побледнел, но после всё же взял себя в руки.

– Ничего-ничего, не печалься, я уже послал в город за лекарем, местный мне не понравился, – успокаивающе похлопав меня по руке, заговорил он вновь, с его словами о местном эскулапе я была полностью согласна, – что-то хочешь? Может, твои любимые орешки в меду?

Я прислушалась к себе, а почему бы и нет?

– Да, – ответила я и чуть улыбнулась.

– А хочешь отложим свадьбу? Вот только гости уже прибывают, не знаю, как на это посмотрит общество... но их мнение не так важно! Моя дочь пострадала! – а эти его слова я оценила, чуть иначе посмотрела на богато одетого мужчину: чёрный камзол с яркими перьями, нашитыми со стороны сердца, пошитый из ткани похожей на бархат, под ним кирпичного цвета блуза с пышным воротом, узкие лосины невнятного желтоватого оттенка, и странные кожаные сапоги с забавным удлинённым носом. Он был бы похож на попугая, если бы цвета были чуточку ярче.

– Ничего отменять не надо, – тут же ответила я, ведь чем дольше рядом со мной те, кто слишком хорошо знает Розу, тем опаснее быть уличённой в чём-то.

– Вот и правильно, негоже отменять свадьбу, плохой то знак!

– Да, не нужно. Я думаю со временем и память вернётся, а рана непременно заживёт. – А как прошла ваша поездка на виноградники? – невинно поинтересовалась я, лишь бы отвлечь его от собственной персоны. Мужчина тут же вскочил и, эмоционально размахивая руками, принялся рассказывать о прекрасных сортах винограда там произрастающих. Говорил он долго, и не только о своей небольшой поездке, но и каких-то необыкновенных винах, что ему довелось попробовать в другой провинции и как они его впечатлили. – Вот свадьбу твою

сыграем, и я отправлюсь в путешествие за море, закупил всего самого лучшего, вернусь только через год, – говорил он вдохновенно, было заметно, что обожает то дело, которому посвятил всю свою жизнь.

– После свадьбы хочешь оставить Эмилию себе? – вдруг без перехода ни с того ни с сего спросил он, останавливаясь напротив и глядя на меня сверху вниз. Запрокидывать голову мне было неудобно, поэтому я тоже встала, чтобы не напрягать ноющие мышцы шеи.

– А есть такая возможность?

– Поговори со своим будущим супругом, – пожал плечами синьор Риччи, – если он готов взять на себя содержание ещё одной служанки, то почему бы и нет.

– Хорошо, папа, благодарствую за заботу! – вяло улыбнулась я, чувствуя, что и правда утомилась.

– Устала, дочка? – участливо заметил он и погладил меня по плечу. – Сейчас кликну прислугу, пусть помогут подготовиться ко сну.

– Доброй ночи, отец, – вздохнула я.

– Доброй, – покачал он головой: – Ты словно немного переменилась... Ох уж! Беда-беда, ну ничего, лекарь должен прибыть аккурат после свадьбы, я ещё буду тут, успею узнать нет ли чего страшного в твоей ране.

Синьор Риччи ушёл, и комната резко опустела. Этот мужчина был весьма энергичен, мне было рядом с ним несколько некомфортно, он словно забивал своей аурой всё пространство, не давая вздохнуть. Но тем не менее к дочери он относился очень хорошо, по-своему любил и переживал.

Эмилия вернулась через пару минут, а я всё не отрывала задумчивого взгляда от распахнутого узкого окна, ловя ласковый ночной ветерок. Небо изумляло чернично-сливовым цветом с мириадами недостижимых блёсток, во все времена называемыми звёздами или по-итальянски стелле.

– Вот, – поставила она передо мной серебристую маленькую розетку с орешками в золотисто-прозрачном густом меду, рядом с ней девушка положила маленькую ложечку, – синьор Риччи велел вам принести, для поднятия настроенья.

– Спасибо, – кивнула я, но есть уже перехотела. – Эми, – позвала я девушку, начавшую прибираться в комнате, – скажи, в этом доме есть библиотека?

– Я не знаю, госпожа, – не прерывая своего занятия ответила она, – хотите, поспрашиваю?

– Хочу, – вздохнула я, на языке вертелись вопросы, но я сдерживала себя, поскольку и так вела себя странно, и не хотелось давать вполне сообразительной девушке заподозрить больше, чем она уже надумала. Одно дело потерять память, другое измениться характером. А раз девушка знала ту Розу с самого рождения, то со временем непременно догадается обо всём. И тогда беды не миновать. Как отдалить от себя "помощницу по играм", я не знала. Пока оставалось поменьше болтать и побольше слушать.

Покрутив эти мысли в голове ещё раз, задумчиво поглядела на Эми. Она хорошая, я не заметила в ней и тени зла. Может, всё ещё обойдётся? В это время (ещё бы знать в какое?) люди очень суеверны. Стоит обдумать вариант мистического божьего просветления, когда Роза оказалась между жизнью и смертью, осознала всю свою жизнь и переменилась. М-да, теория шитая белыми нитками и вот-вот грозящая разойтись по швам с громким треском.

– Сейчас принесут подстилку и подушку, госпожа, – поймав мой оценивающий взгляд, вдруг зачастила девушка. – И спать вам будет, как на лугу с цветущими растениями. И сны будут сниться успокаивающие.

– Хорошо бы, – кивнула я.

А через четверть часа действительно принесли мой "матрас" и подушку. Всё это шуршало сухой травой и действительно сильно пахло. Острые ароматы трав и цветов разнеслись по комнате, заставив меня пару раз чихнуть с непривычки. Две женщины в смешных чепцах,

цокая башмаками, скоро расстелили всё это добро на моей кровати и, поклонившись, вышли вон. Тем временем Эми отомкнула навесной замок с моего страшного комода и, порывшись там немного, вынула постельное бельё.

Я прилегла на своё благоухающее спальное место и выдохнула, было помягче и всё это ненавязчиво шуршало подо мной.

– Синьорина Роза, – негромко позвала меня служанка, – а ваших украшений, что вы взяли с собой в день побега, вам ведь так и не вернули, шкатулка в сундуке пустая, я только что проверила...

Глава 9

– Как так – нет? – изумилась я, приподнимаясь на кровати.

– Вот, – растерянно развела руками девушка, – совсем пусто, – и показала мне внушительных размеров резную шкатулку, в которой действительно ничего не было.

– А куда мы их спрятали, когда убегали? – спросила я, вставая и подходя к монструозному сундуку-комоду.

– Так на седло и прикрепили мешки с вещами да снедью, – тут же ответила девушка.

– Хмм, – задумчиво протянула я, – полагаю, необходимо уточнить у донна Росселлини, он наверняка знает ответ или же начнёт поиски. Много там было?

– Серебряный гарнитур вашей прапрабабки, – начала перечислять Эмилия, загибая пальцы, – красивое кольцо с во-от таким синим камнем также в серебре от бабки, золотые серьги вашей матушки с камнями, к ним шла цепь, золотая. Потом булавки серебряные три штуки, две из золота, – служанка споро перечисляла, а я удивлялась. А неплохой запас был у Розы, на такие деньги можно было бы прожить... а как прожить?

– Эми, а на что всех этих украшений мне бы хватило? – перебила я увлечшуюся девушку.

– А? – хлопнула та ресницами, – так, ну, – задумалась она ненадолго, – купить дом большой, землю вокруг, в придачу деревушку какую, на десяток дворов, и безбедно жить, – веско добавила она.

Мой отец настолько богат? Ну ничего себе! Это ведь и правда очень прилично получается...

– Договаривай, – я заметила, как девушка замялась. – Я ничего не помню, поэтому говори прямо, – в который раз повторила я и служанка решилась.

– Госпожа, вы обещали мне серебряную булавку, как только вы окажетесь рядом со своим мхм, синьором Бруни, чтобы я могла отправиться к своей матушке и сёстрам, – прошептала она.

Я ненадолго замерла в ступоре, ничего не понимаю!

– Так ты не хочешь жить со мной в этом поместье?

– Я бы очень хотела, – Эми бросилась было ко мне, но замерла на полшага и в отчаянии сжала подол своего платья, – простите, госпожа, но мама совсем плоха, а младшеньких своих я оставить на произвол судьбы никак не могу. А там ещё ведь дом, огород, живность какая. Надо за всем смотреть...

Не знаю, что я почувствовала в этот момент. Разочарование? Тоску? Эмилия первый человек, который встретился мне в этом мире. И она была замечательной. Я к ней уже привыкла, к ненавязчивой заботе, пустому щебетанию. Но, с другой стороны, то обстоятельство, что она уедет к себе и не заметит чудовищных перемен в своей бывшей хозяйке, немного приободрило.

Моя тайна останется только со мной.

– Конечно, я тебя отпущу и непременно выплачу за службу причитающееся, – вздохнула я и, шагнув к ней, обняла. Эмилия на миг словно одеревенела, а после всхлипнув, стиснула меня в ответ.

– Я так испугалась, что вы погибли там на поляне, вы ведь даже не дышали, я и сердца вашего стук не услышала, хотя ухо прижимала, – забормотала она.

– Всё хорошо, Всевышний мне дал ещё один шанс, и я постараюсь не потратить его впустую, – это я говорила скорее себе, чем ей. – Ну всё, утри слёзы, – отодвинув от себя размякшую помощницу, заглянула в её тёмные глаза. – Иди на кухню, а то не ела поди. И спать. Уже поздно. Завтра я поговорю с женихом и выясню, где мои украшения.

Сегодняшней ночью я засыпала с тревогой, гвоздём засевшей в сердце, что могу и не проснуться. Что та Роза, место которой я заняла, вернётся... Измученная собственными кошмарными мыслями, забылась сном. И снился мне дом и Алисонька.

– Деточка моя, – прошептала я племяншке, которая так и уснула, сидя перед компьютером: нос красный, вокруг куча смятых салфеток; обогнув стол, взглянула на экран: "Случайная гибель туристки в Италии...". Оп-па! Это обо мне, что ли? Но я чувствовала, как время утекает, словно вода сквозь пальцы, потому, мягко погладив золотистые волосы внучки, прошептала ей в самое ухо, была уверена, что она услышит, а когда проснётся, обязательно вспомнит. – Со мной всё хорошо, я жива, но в другом мире. И непременно собираюсь стать счастливой. И ты будь! Самой счастливой на свете! Помни, я всегда рядом – в твоём сердце. Люблю тебя, дочка. Всегда...

Проснулась рывком, ловя ртом воздух, тиски, сдавившие грудную клетку, разжались. А ещё я была совершенно уверена, что это тело отныне навек моё.

Откинув плед, встала и босиком по прохладному полу споро прошлёпала к неприметной двери, за которой скрывалась уборная. Отхожее место не впечатляло: высокий стул с дыркой по центру, обитый тканью, заполненной сухой травой или конским волосом, а под ним вместительное ведро, сейчас пустое. Я жила в деревне, и такие вещи были мне не в диковинку, потому сделав свои дела, помыла руки и вернулась в комнату.

Теперь хотелось пить, подойдя к столу, налила из высокого глиняного графина воды в такую же глиняную кружку. Вкус воды горчил, что характерно для колодезной воды, специфический привкус был не сильно выраженным, но тем не менее, а это значит, что в ней хватает солей щёлочноземельных металлов – хлоридов и сульфатов, м-да, кипятить надобно. Ну, я займусь этим сразу же, как стану хозяйкой. Утолив немного жажду, посмотрела в распахнутое окно, которое на ночь здесь никто не запирает и у меня была возможность вдохнуть свежего ветерка, и полюбоваться занимающимся рассветом, тёплого оранжево-лилового оттенка. Красиво. И света уже достаточно, оттого не стала зажигать свечи.

– Я хочу себя увидеть, – вслух сказала я. Если до этого момента такая мысль и появлялась, то я старалась её быстренько отодвинуть на самый край сознания, боясь чего-то... но вот сейчас во мне вдруг проснулась решимость довести это дело до конца.

Первое «современное» зеркало создали братья Доминико и Андреа в Венеции в начале шестнадцатого века; им удалось соединить плоские листы стекла со ртутной амальгаммой. Какой сейчас век? Не знаю, но, скорее всего, зеркал ещё не придумали, ведь даже в моё окно были вставлены кусочки жёлтой полупрозрачной, очень мутной слюды, а не прозрачное стекло. Но не могла же дочь богатого купца ни во что не глядеться? Роза – юная девушка, наверняка любившая прихорашиваться. Должна же она была иметь хоть какой-то аналог! Но в обозримом пространстве комнаты ничего, что могло отдалённо напоминать зеркало, не висело и не лежало.

Вариант, что это очень дорогое удовольствие, тоже присутствовал, и потому Роза могла спрятать зеркало подальше от жадных чужих взоров. А также она могла взять его с собой во время побега. Я резко обернулась, оценивающе поглядев на комод-сундук, нужно было уточнить у Эмилии, но я была занята иными мыслями. Пошевелив пальцами ног, быстро вернулась к кровати, чтобы натянуть мягкие мокасины – ноги озябли, не хватало простудить почки или по-женски. Местный эскулап меня напугал, потому болеть никак не след.

Обувшись, подошла к сундуку, просунула руку в зазор между ним и стеной и достала ключ, спрятанный Эмилией в небольшой нише в стене. Отомкнув висячий уродливый замок наипростейшей конструкции я, натужно пытаясь, откинула тяжёлую крышку. Зарывшись в аккуратно сложенные стопки одежды, так ничего и не нашла. Вынула коробочку, пробежалась кончиками пальцев по незамысловатой резьбе и заглянула внутрь: большая иголка несколько

непривычной формы, рядом с ней лежали клубки неравномерной ширины ниток невнятных цветов. Зеркала не было.

Заперев сундук на замок, облокотилась о его крышку локтем. Подперев подбородок рукой, задумалась. Печально повздыхала пару раз и вернулась в кровать. Мне было что обдумать. Сегодня непременно стоит поговорить с будущим мужем, ведь именно его отряд спас меня, а, значит, кто-то из его людей прихватил мою лошадь со всем скарбом.

Преждевременно я захлопнула комод. Надо бы выбрать платье для встречи с женихом.

Но встать ещё раз для меня уже не было проблемой: всё делалось легко и быстро. Кроме немного саднящей и тянущей боли в затылке и шее, никакого дискомфорта в теле больше не чувствовалось. Я радовалась гибкости и плавности юного тела, полного энергии, как же давно я не ощущала ничего подобного. Меня вдруг затопило чувство полной эйфории! Я ведь снова молода, у меня вся жизнь впереди, и со мной остались знания из прошлой! А опыт, как говорится, не пропёшь! Это всё вместе окрыляло, мне хотелось закружиться и рассмеяться, еле удержалась, памятуя, что всё же ещё не полностью оправилась.

Зарывшись в ворох одежды, начала перебирать содержимое: нижние сорочки той Розы были чистые, какого-то грязно-сероватого оттенка, с красивой вышивкой по подолу и краю рукавов, панталончики с рюшками, длиной до колена, заменявшие тут привычное мне нательное бельё. Платья все с завышенной талией, блёклых цветов и всё ниже щиколоток. По словам Эми, пяток таких же сундуков хранился в другом помещении и их перенесут в господскую спальню сразу же после свадьбы. Неужели они все забиты вот таким тряпьём? Ткань плотная, хорошая, но Всевышний! что у них за цвета?! Мне стало так же грустно, как в дождливый день, когда тучи затянули небо, не давая солнышку прорваться сквозь серую завесу. Скуотища!

Всю прошлую жизнь, после той самой череды ненастий, я любила одеваться ярко, иногда несколько экстравагантно, даже несмотря на возраст. А тут носить всё это? Мой мозг химика и исследователя заработал на полную мощность. Как придать этим вещам цвет? Насыщенный, глубокий и, главное, равномерный? Из чего добыть так нужную мне краску? На повестке дня исследовать всю прилегающую территорию и заглянуть на кухню, поглядеть, какие овощи в ходу. Протраву сделать легко, та же муравьиная кислота, рассол квашеной капусты, соль, уксус, берёзовая зола, ржавчина. Это не проблема. Вот и будет мне, чем занять и голову, и руки. Не сидеть же вечно подле мужа и музицировать, или что там дамы делают? Разъезжают по балам? П-фе! Парочку раз глянуть на столицу можно, конечно, но это не цель всей моей жизни! А какова цель? Я обещала внученьке стать счастливой. А это очень благородная цель!

– Госпожа, – в комнату заглянула Эмилия, держа в руках тяжёлый поднос. – Ой! Вы уже проснулись!

– Нечего разлёживаться, – ответила я, разглаживая платье, которое уже успела надеть. – Я собираюсь к дону Росселлини, хочу побеседовать. Сбегай, будь добра, узнай, где он находится, и проводи меня к нему.

– Хорошо. А вы пока откушайте, тут и парное молоко и булки спекла кухарка. Всё вкусное! – щебетала она, сгружая поднос на стол. – И маслица в кашу добавили, всё, как вы любите, эм, любили?

– Масло я вроде как всё ещё люблю, – рассмеялась я. – Иди. Разущи мне молодого хозяина дома.

– Да-да, побегу, – улыбнулась она в ответ и быстро ретировалась, оставив меня наедине с едой.

Глава 10

Дом семьи Росселлини впечатлял. Я шагала за Эми, и с интересом смотрела по сторонам.

– У высоких господ недавно закончился завтрак. Вам там тоже положено присутствовать, но так как у вас рана, то синьор Риччи распорядился подавать еду вам в опочивальню, – негромко оповестила меня моя помощница, – а младший дон сейчас у себя в кабинете. Я выяснила, где он располагается и с лёгкостью вас туда проведу.

Тем временем мы спустились по широкой каменной лестнице в большой холл с высокими потолками, перекрытые балками из потемневшего практически чёрного дерева.

На первом этаже я ненадолго замерла перед невероятным камином. Он был впечатляющих размеров, при желании я могла бы туда войти без опаски задеть головой край. Подле очага стояла самая настоящая антикварная мебель, естественно, таковой она была только в моих глазах: два широких кресла и невысокий столик между ними – всё сделано из чёрного дерева и отполировано до зеркального блеска! На полу лежал ворсистый ковёр тёмного цвета, местами потёртый от времени. Стены были изрисованы изрядно потрескавшимися фресками, я насчитала всего три цвета, что были использованы при их создании: чёрный, блёкло-зелёный и красноватый. Виноградные лозы со спелыми ягодами, люди, их собирающие, вот кто-то делает вино... тут бы задержаться подольше и внимательнее всё рассмотреть.

– Синьорина Роза, пойдёмте, – позвала меня Эмилия, замирая под межкомнатной аркой, соединявшей общую залу с каким-то коридором.

Стрельчатые редкие окна, каменная кладка, потолочные деревянные балки, межкомнатные арки, отделанные натуральной неяркой терракотовой плиткой ручной работы – всё это было основой данного дома. Мне очень понравилась царящая здесь атмосфера старины. Сколько поколений Росселлини видели эти стены? Не знаю, но интересно было бы погрузиться в историю семьи, частью которой я вот-вот стану.

В самом конце длинного коридора располагалось узкое окно, сейчас распахнутое и свободно пропускавшее яркий свет утреннего солнца. Неподалёку от него заприметила широкую дверь, к которой и устремилась Эмилия.

Подойдя ближе, прислушались: створка была чуть приоткрыта, но изнутри не доносилось ни звука.

– Ты уверена, что он там? – прошептала я прямо в затылок Эми, отчего она вздрогнула и подскочила, да так, что чуть не уронила высокую вазу с цветами, установленную сбоку от двери.

– Да кто же вазы ставит у входа? – прошептала она, возвращая предмету равновесие. – Ох и напугали вы меня, госпожа!

– Кто там? – дверь неожиданно распахнулась, и я замерла, глядя на высокого мужчину. Дарио Росселлини собственной персоной!

Молодой человек хмуро сверлил меня своими чёрными глазами, заставляя сердце бешено колотиться в груди: вот-вот и прорвётся наружу.

Лучи солнца высветили его статную широкоплечую фигуру, и я впервые смогла в деталях рассмотреть своего будущего мужа. Раньше ведь, то в глазах двоилось, то затылок ныл. Сейчас боль несколько притупилась – рана заживала и почти не саднила. Шишка уменьшилась в размерах, и если не давить на неё намеренно, то и вовсе не беспокоила.

Молодой хозяин поместья был одет в светлую рубашу, сейчас распахнутую на груди, рукава он небрежно закатал до самых локтей, открывая моему жадному взору витые мускулы. Дарио был точно выше метра восьмидесяти, широченные плечи, узкая талия, длинные, стройные ноги в плотных коричневых брюках – идеально пропорциональны, а виднеющаяся в вырезе

рубашки мускулистая грудь с кучерявыми жёсткими волосками заставили меня на миг забыть вообще кто я и где нахожусь.

Черты лица Дарио я бы охарактеризовала двумя словами – суровое великолепие: прямой нос и высокие скулы, упрямая линия губ без пошлой пухлости, квадратный гладковыбритый, чётко очерченный подбородок, крепкая шея, и невероятный тёмно-бронзовый загар, подозреваю, покрывавший всё его тело, стоило мне только это представить, как щёки опалило жаром... Волосы чёрные с едва заметным синим отливом, чуть выующиеся, сейчас лежащие в творческом беспорядке, так и хотелось провести по ним руками, запутаться пальцами...

Куда смотрела прежняя Роза? Да я за всю свою долгую прошлую жизнь такого мужика ни разу не встречала! Даже брутальные мальчишки-модели на обложках модных журналов не шли ни в какое сравнение с этим горячим итальянцем!

– Синьорина Роза? – бархатный баритон прозвучал чуть менее грозно и гораздо более заинтересованно.

– Эм, бонджорно (*доброе утро*)! – бодро поздоровалась я с ним, – у меня к вам срочное дело, дон Дарио, – мысленно дав себе звонкую затрепину, быстро взяла себя в руки. – Позволите обсудить наедине?

– Да, конечно, – вздохнул он, после чего посторонился, пропуская меня в комнату.

– Эми, граце (*спасибо*), дальше я сама, – кивнула служанке и вошла в кабинет дона.

– Присаживайтесь, синьорина, – предложил мужчина, плотно закрывая за мной дверь. Сам же прошёл к массивному столу и, оперевшись об него бедром, выжидательно на меня взглянул. Я тем временем осмотрелась: стол, полки, приделанные гвоздями к каменной стене, на которых лежали свитки, два кресла для посетителей, парочка вместительных кадок с ярко-зелёными цветами. Пол, натёртый до блеска. Также одно окно.

Присаживаться не стала, вот ещё, дать ему возможность подавлять меня своим ростом? Нет уж.

– В тот день, – тут я несколько смутилась: ведь если сейчас скажу, что на прогулку взяла все свои украшения, то он может догадаться, что его невеста хотела сбежать. От него. Думаю, Дарио станет весьма неприятно от осознания подобного факта. – В день, когда я отправилась на прогулку и расшибла голову, взяла две сумки с едой. Вы случайно или, может, ваши люди, не находили их? Они могли быть либо привязанными к седлу, либо лежащими где-то неподалёку в лесочке... – смолкла, выжидательно глядя на жениха.

Молчание затягивалось, наконец молодой мужчина отмер и, устало потерев лицо раскрытой ладонью, сказал:

– Да, ваши вещи мы нашли, – и смотрит на меня так... с затаённой обидой, что ли? – Вещмешки были отданы вашей матушке, синьоре Риччи. Точнее, она их выхватила из моих рук, заявив, что сама вам всё вернёт.

– О, – удивилась я, впрочем, не сильно – подобный поступок от мачехи был вполне ожидаем. – Спасибо!

– Это всё? – уточнил он, возвращаясь за свой стол и подтягивая к себе какой-то свиток.

– Да, благодарю, – кивнула я. – Пойду, заберу у мачехи свои вещи, – добавила негромко, обдумывая, как это сделать с минимальными потерями.

– Роза, – вдруг позвал он меня, когда я уже взялась за тяжёлую дверную ручку.

– Да? – я полуобернулась к нему и замерла в ожидании.

– Там были драгоценности, я успел заглянуть в сумки, – вдруг признался он, – зачем вы всё это взяли с собой, спрашивать нет смысла, и так понятно. Но, – он замолчал, тревожная складка прочертила дорожку между его бровями, – если вы считаете, что со мной счастливы не будете, то скажите мне и я освобожу вас от данного слова. Ведь то, о чём сговорились наши отцы, можно обойти.

Значит, он всё-таки узнал... ненадолго мне стало стыдно за поступок той Розы, но просить прощения я посчитала лишним, ведь это была не я, а значит, и вина не моя.

– Я человек слова и уже всё для себя решила, – вдруг сорвалось с моих губ. Я сама не поняла, зачем? Так бы свалила в закат... – И стану вашей супругой, если вы сами не против.

– В этом случае я лично устрою вам побег... Что? – он говорил по инерции, а когда до него дошёл смысл сказанных мной слов, в изумлении на меня уставился. Было забавно наблюдать как его суровое, словно высеченное из камня лицо, стало по-мальчишески растерянным и очень юным. – Я не против, конечно...

– Я пойду?

– Да, – легко сорвалось с его губ и я, не сдержавшись, улыбнулась:

– Увидимся за обедом, хочу с вами разделить трапезу, узнать вас поближе, – от моего заявления он ещё больше обалдел, а я быстро вышла из комнаты.

"Скажите, донна Роза, может ли усталый путник... прижать эту нежную-нежную фиалку к своему страдавшему сердцу? *", – откуда-то в моей голове, совершенно не к месту, возникла цитата из старого фильма, вызвав у меня тихий смехок.

Внутренне посмеиваясь, рванула в главный зал.

Отчего-то на душе было светло и спокойно.

Эми, моя преданная Эми, ждала у арки, ведущей в общий холл. Многочисленные слуги мелькали то тут, то там, занимаясь своими прямыми обязанностями. Гости, по всей видимости, уже переварили завтрак и потихоньку стекались вниз.

– Поедут на южные виноградники, пробовать тамошние вина, – шепнула Эмилия, когда я с ней поравнялась.

– Бонджорно, синьорина Риччи! – воскликнули высоким женским голосом, увы, я не успела проشمыгнуть мимо и остаться незамеченной. – Как ваше самочувствие? Вижу, вы поправились? – ко мне направилась пожилая чета, женщина приятно улыбалась, мужчина глядел доброжелательно.

– Дочка! – с лестницы послышался голос отца – громогласный и полный энергии, рядом с ним замер высокий седовласый мужчина, неуловимо кого-то мне напомнивший. – Как ты? Уже лучше?

Ну вот, из огня да в полымя: теперь придётся со всеми пообщаться и перезнакомиться, а народ всё пребывал, группками спускаясь в общую залу. Что же, где наша не пропадала? Натянув на лицо полуулыбку, пошла навстречу гостям, приехавшим на мою свадьбу.

Прим. автора:

* Цитата из фильма: "Здравствуйте, я ваша тётя!".

Глава 11

– Папа, а где Паола? – негромко поинтересовалась я.

– Захворала, что-то неважно себя чувствует с утра, – ответил он и я услышала нотки тревоги в его голосе. – Сейчас спит. А что?

Заглянув в тёмные глаза отца, спросила:

– Мне нужно с тобой поговорить по одному, но очень важному, вопросу. Наедине.

– Дочка, – синьор Жакоб нахмурил кустистые брови, недоумевая: – а твой вопрос может подождать до вечера? Как вернусь из виноградников, так уделю тебе время.

– Да, Роза, – дон Луиджи Росселлини, отец Дарио, посмотрел на меня взглядом усталого человека, которому вовсе не хочется куда бы то ни было ехать. – Гости уже собрались, негоже оставлять их здесь, а самим пойти куда-то, чтобы заняться своими делами.

Я внимательно посмотрела сначала на Риччи, затем на старшего Росселлини. Прикинула: мачеха пока никуда не денется, навряд ли она собирается продать мои драгоценности, скорее всего, ей давно, со страшной силой хотелось их заполучить, а жаба очень ненасытное земноводное, и наверняка лучшая подруга самой Паолы. Мачеха просто воспользовалась удачно подвернувшимся случаем. А на фоне того, что я ничего не помню, решила, что ей всё сойдёт с рук. И если бы не Эмилия, то так оно бы и вышло.

– Хорошо, – согласилась я, – вопрос важный, но вполне терпит до вечера.

– Вот и славно, – разулыбался отец, – а ты иди к себе, приляг. Вон, всё ещё бледная, не до конца выздоровела.

Я проводила взглядом шумную толпу из двух десятков гостей, насколько я знала, завтра придёт ещё одна, последняя партия. Никогда не любила шумные большие компании, а итальянцы, как раз таки были весьма эмоциональными и экспрессивными людьми. Десять минут в их окружении и голова моя чуть ли не раскалывается от боли, а в ушах, казалось, навсегда поселился неясный шум.

Ждать, когда все гости выйдут из особняка, не стала: поспешила по лестнице на второй этаж, в правое крыло, где находилась моя опочивальня. Эми была у меня и вытирала пыль. Она всё время что-то делала, ни минуты покоя.

– Госпожа, я тут вам принесла яблочный пирог, – она кивнула на тарелку, прикрытую светлым чистым полотенцем, – и взвар из ягод и листьев смородины.

И когда успела?

– Грацье, Эми, – из-за утренних переживаний я даже проголодалась, или выздоравливающий организм требовал больше энергии? Посему еда была и правда к месту и вовремя.

Пирог оказался почти классической шарлоткой, вот только мука была серая, хоть и мелкого помола, а вместо сахара отчётливо ощущалась сладость мёда. Вкусно, а в сочетании с душистым отваром из чёрной смородины, так и вовсе замечательно.

– О, госпожа, что я узнала, пока вы были с гостями! – округлила глаза Эми, я только головой покачала:

– И что же?

– Синьору Паолу с раннего утра вывернуло наизнанку, ещё задолго до завтрака. Она отругала местных служанок, что те подали ей перед сном протухший взвар. Хотела их вместе с кухаркой отправить на конюшню, чтобы получили плетей, но вмешался ваш отец и напомнил синьоре, что она не у себя дома.

– Вот как, – пробормотала я. Неужели траванулась? Не удивлюсь, если и правда, подмешали чего ей в чашку. Гадюка такая, кого угодно доведёт до белого каления. Но тем не менее я уверена, что дальше мыслей у людей дело не пошло: тут легко могут и до смерти запороть прилюдно, если причинить вред вышестоящей особе.

– Я сейчас закончу и промою вашу рану, – продолжила деловито щебетать девушка, протирая тонкие слюдяные пластины. – А как спадёт дневная жара прибудет портниха, синьора Берни. Вы же помните? – оглянулась она на меня. Я на миг подзависла, поскольку доедала остаток пирога и была мыслями совсем не здесь.

– Примерка свадебного платья, – кивнула я и заметила, с каким облегчением выдохнула девушка, наверное, боялась, что я теперь всё буду забывать, как та рыбка Дори из мультика. – Всё, что происходило после падения, я прекрасно помню, Эми. Не переживай.

– Это хорошо, госпожа. Очень надеюсь, что и прошлое также вспомнится, – добавила она после секундной заминки. Я глянула на неё украдкой: по всей видимости, нынешняя Роза ей больше нравится, нежели предыдущая. Даже забавно.

После обработки раны решила прогуляться по саду, пока солнце не стало слишком припекать. Из своего окна я видела пышные кусты и цветы, фруктовые деревья и даже небольшой декоративный виноградник.

– Я пойду одна, – остановила я Эмилию, собравшуюся последовать за мной. – Не переживай, выходить за территорию поместья не стану, и буду держаться в тени. Если что, ты можешь найти меня в саду.

До обеда я провела время наедине с собой, перебирая воспоминания из прошлой жизни: самые счастливые и даже несколько грустных, но светлых, нанизывала на нитку, как бесценные жемчужины, и запечатывала в сердце, чтобы не забыть...

Мне нравилась новая жизнь, по крайней мере сейчас будущее виделось хорошим и полным невероятных открытий.

Дойдя практически до самого конца зелёной рощи, наткнулась на стоячий небольшой пруд. Вот оно моё "зеркало", способное удовлетворить жгущее любопытство, ну, хотя бы отчасти. Подойдя к бортику, присела на край и, вдохнув поглубже пахнувший горячей землёй и ароматами цветов воздух, таким образом набравшись решимости, резко взглянула вниз.

И ахнула от неожиданности!

Новое лицо оказалось неожиданно похожим на моё собственное, то которое у меня было в юности в другой жизни, правда, там я была блондинка, а тут кудрявая брюнетка. Дрожащими пальцами провела по гладкой коже, чёрным бровям вразлёт, прямому аккуратному носу, пробежалась по пухлым губам, высоким скулам. Детали было сложно рассмотреть: цвет глаз, то ли чёрный, то ли карий, а может, и вовсе тёмно-серый? Непонятно.

– Это я, но и не я одновременно, – прошептала и, опустив указательный палец к воде, коснулась своего отражения. Тоненькие круги побежали по тёмной глади пруда, размывая мои черты, – пора возвращаться, меня ждёт дон Дарио и вкусный обед.

Отчего-то эта мысль приободрила и, бросив последний взгляд на симпатичный водоём, направилась в сторону дома.

Если я рассчитывала, что на обеде будем только мы вдвоём – я и Дар, то сильно ошибалась. Оказалось, не все гости отправились на конную прогулку к южным виноградникам. К нам присоединились несколько человек: колоритная донна Франческа Манчини, красавица-синьорина Далия и симпатичный блондин, имени которого я не знала.

Дарио вошёл в обеденную залу последним. Жених уже успел переодеться в чёрный жакет и такие же брюки, высокие кожаные сапоги довершали строгий наряд. Кончики его волос влажно блестели, видать, молодой Росселлини недавно принимал ванну. Он стремительно пересёк залу и занял место во главе стола, как хозяин и наследник дома. Я села по правую его руку, как невеста, донна Манчини грузно опустилась на стул напротив меня, рядом со мной устроился блондин, а синьорине Далии ничего не оставалось, как стать соседкой пожилой донне.

Дар сдержанно кивнул слугам, и те поспешили разлить по тарелкам суп из овощей на курином бульоне, щедро сдобренный мелко рублёной зеленью. Я уже такой ела, мне понравилось, думаю, и в этот раз будет не хуже.

Постепенно между гостями завязалась беседа ни о чём, своими рассказами блистал блондин по имени Карлос Грассо. Безземельный барон, старый приятель Дарио. Во время войны они недолго состояли в одном батальоне. Мужчина сыпал шутками и забавными случаями из жизни, успевая стрелять глазами в сторону красоти Далии, но девушка обратила всё своё внимание на моего без пяти минут мужа. Она мило с ним беседовала, Дар сдержанно улыбался в ответ.

И впервые что-то кольнуло в центре моей груди. Неприятное, собственническое. Я внимательнее пригляделась к девушке: красивая, хрупкая, с большими зелёными глазами и пышными каштановыми волосами, сейчас убранные в высокую затейливую причёску, на тонкой лебединой шейке красовалась нить крупного жемчуга. Платье на ней было светло-голубого цвета. Синьорина буквально источала очарование юности.

Чувства меня посетившие, мне не понравились. Категорически. И, словно уловив перемену в моём настроении, Дарио произнёс:

– Я вынужден отказаться, синьорина Далия. Роза, – обратился он ко мне, – не будет ли тебе в тягость показать синьорине Серре наш сад на заднем дворе. Там есть замечательный пруд. А вечером можно услышать пение мелких птах. Они чудо как хороши! – сам же встал и, слегка склонив голову, добавил:

– Мне необходимо откланяться, дела поместья требуют моего неукоснительного участия, – и, взяв мою ладонь, медленно поцеловал тыльную часть, чем изрядно меня смутил, да так, что дыхание перехватило, а глупое сердечко пропустило удар и затрепыхалось пуще прежнего.

А заметив, как недовольно надулись румяные щёчки Далии, я отчего-то невероятно приободрилась!

Глава 12

Зеркал в этом мире не было. Зато полированная бронзовая пластина высотой с мой рост в поместье имелась. Вот в неё я и смотрелась, пытаюсь хоть что-то понять.

Синьора Аннетта Берни оказалась с французскими корнями, чем она со мной с удовольствием и поделилась. Портниха располагала к себе своей непосредственностью и жизнерадостностью, никакого злого умысла, скрытых ехидных фразочек, жеманности и ещё чего-то такого за ней замечено не было. Простая женщина, отменно делающая свою работу. И пока она подкалывала иглами то здесь, то там, торчащие элементы платья, при этом успевая делиться последними городскими новостями, я гляделась в "зеркало". К слову, город располагался в часе неспешной езды от поместья Росселлини.

Первое, что меня изумило, когда синьора Берни вынула из мешковатого чехла мой будущий свадебный наряд и аккуратно сложила его на кровать – это ткань. Впервые здесь вижу нечто подобное. А затем и благородный почти равномерный белый цвет.

– Синьор Риччи не скупясь, лично выкупил этот отрез для вас у торговца из Виссонтии, – пояснила тихо Эми, пока Аннетта сутилась у комода, выкладывая на него многочисленные иглы, ножницы и нитки. Служанка, конечно же, заметила мой неприкрытый восторг и с каким трепетом я провела ладонью по блестящей гладкой поверхности, – забыла вам рассказать об этом. Давайте помогу снять вашу повседневную одежду, – добавила она громче.

– Да, да, – закивала портниха, полуобернувшись к нам, – раздевайтесь.

Белое платье из шёлка. Значит, где-то далеко за морем была по крайней мере одна страна, сумевшая придумать метод создания ткани неплохого качества и цвета. И я даже боюсь себе представить, в какую цену этот отрез мог обойтись синьору Риччи.

Фасон был привычным: с завышенной талией, а так как материала пошить пышную юбку было недостаточно, то портниха решила сделать одну клиновидную вставку из какой-то серой ткани, смотревшейся в этой композиции просто инородно.

– Нет, – нахмурилась я. – Отпарывайте.

– Н-но, – впервые запнулась и замолчала, не зная, что сказать, синьора Аннетта. – Синьорина Роза, если убрать вставку, то платье станет узким и будет обтягивать вашу фигуру неприлично сильно, как перчатка! *Mauvais ton!*

Я задумалась. В моём мире облегающее свадебное платье – это норма и писк моды. А здесь совершенно другие нравы и, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

– Хорошо, оставьте, только мы сделаем вот что: эту часть, которую вы хотите вставить, отцентрируем и удлиним, пусть немного тянется по полу, будет шлейфом. Поверху нашьёте жемчужин, очень плотно. Понимаете, о чём я говорю? Также жемчуг пустите вышивкой по лифу. И сошьёте митенки, это перчатки без пальцев и украсите тем же жемчугом. Сможете? За жемчуг оплатит отец.

– *Oui, oui!* (*фр.: да, да*), – округлив глаза, закивала портниха, а я прекрасно читала эмоции Аннетты, так явно проступившие на её симпатичном круглом личике: неприкрытый восторг и желание поскорее начать делать всё то, что я описала. Женщина обладала живым воображением и уже наверняка представила, как будет выглядеть платье с моими переделками и дополнениями. – Я всё поняла, сейчас вот тут и тут подколю, и поеду назад, в свою мастерскую. У меня осталось совсем мало времени, а работы очень, очень много! – бормотала она, споро подгоняя инородный отрез к основному платью.

– Как замечательно вы придумали! – качая головой, искренне восхитилась Эмилия.

– Грацье, – вздохнула я и устало и присела на край кровати. – Ты выяснила, есть ли в этом доме книги?

– Есть малая читальня, – кивнула девушка. – Провести вас?

Я задумчиво глянула в окно: время близилось к вечеру, скоро вернётся дон Риччи и предстоит разобраться с пропажей моих украшений.

А пока у меня было немного времени. Отчего бы и не потратить его на посещение библиотеки?

– Давай, – решила я вставая.

Читальня располагалась тут же, на втором этаже, только в левом крыле. Помещение оказалось действительно чуть больше моей опочивальни. Два широких деревянных кресла, с лежащими на сиденьях набитыми конским волосом подушками, чтобы было хоть немного удобнее сидеть.

– Эми, иди по своим делам. Перекуси, – отпустила я помощницу, та радостно кивнула, а я прикрыла за собой дверь и устремилась к немногочисленным полкам. Никаких шкафов, просто вбитые в каменную стену деревянные стеллажи.

Много свитков из плотного пергамента, и всего пять книг. В кожаных страшно потрёпанных переплётах.

– Наверное, это самое настоящее сокровище, – прошептала я, беря в руки первую попавшуюся. Потемневшая и потрескавшаяся от времени обложка, мягкая и тёплая на ощупь. Удобно расположившись в ближайшем к окну кресле, трепеща и предвкушая, раскрыла книгу.

Я могла читать на местном языке. Это обстоятельство неимоверно обрадовало! Была только одна проблема: весь текст в книге оказался рукописным. Приплыли. И если местами автор старался выводить слова чётко и понятно, то в основном всё же куда-то спешил и строчки плыли.

Та же история была и с остальными фолиантами. Все они оказались пера одного автора, некоего Джованни Понтануэно и писал он трагикомедии и стихи.

– Нужно просто привыкнуть к стилю, – вздохнула, потирая уставшие глаза – так сильно я вглядывалась в текст, чтобы разобрать эти каракули, даже наши врачи писали разборчивее. – Каллиграфии на вас не было, дон Понтануэно, – хмыкнула негромко и, вернув том на полку, отправилась прочь из скудной библиотеки.

В доме было тихо, в это время в той, современной мне Италии, большинство итальянцев отдыхали, этот период светового дня назывался пенникелла и обычно длился он с половины первого дня до четырёх вечера.

Вернувшись в комнату, присела за стол и посмотрелась в медную пластину. Она так и осталась стоять у меня.

Прежняя Роза была красивой. Это совершенно точно. Немного загореть и всё, все взоры мужчин будут её. Точнее, моими. Радовало ли меня это обстоятельство? Говорят красивым женщинам легче в жизни. Тут я бы поспорила.

– Синьорина Риччи, – в дверь постучались, и в проём протиснулась голова молоденькой служанки в забавном чепце. – Простите, что отвлекаю, но синьор Риччи зовёт вас.

– Ох, – я заполошно кинула взор в окно, чтобы определить который сейчас час по солнцу, время действительно близилось к пяти, рановато он что-то вернулся. – Проводи.

Горничная чуть шире распахнула дверную створку и согласно присела в коротком книксене.

Комната Жакоба находилась неподалёку от малой читальни. Пару раз стукнув в дверь, слышала голос отца Розы и надавила на ручку. Толкнув тяжёлую створку, вошла внутрь.

Синьор Риччи оказался один и что-то скоро писал пером на пергаменте, я даже залюбовалась: настолько ловко у него получалось, ни единой кляксы!

– Дочка, присаживайся, – не поднимая головы, бросил мне. Я, быстро осмотревшись, заняла стул напротив его небольшого, даже на вид не очень удобного, стола. Комната оказалась кабинетом. Меньше размерами, чем у Дарио, но точно не спальное место. Такие же примеча-

тельные полки, вбитые в серые каменные стены, плетёный коврик на полу, увесистый шандал с оплившей тройкой свечей, и две подвешенные бронзовые лампадки.

Об освещении в этом мире можно говорить долго и со вкусом, но за эти дни своей новой второй жизни, уяснила: излюбленным видом у богатых аристократов были именно свечи, отлитые из животного жира вперемешку с воском. Они вполне терпимо пахли, держали форму и почти не коптили. В свечах, что использовали Росселлини, воска было больше, чем жира. И они были весьма дороги. Второе место занимали лампадки, наполненные оливковым маслом с небольшим количеством соли, которое забирало влагу из масла и помогало сделать свет ярче. Только такой вариант был пожароопасным и всё же использовался реже первого.

Из болтовни Эмилии я поняла, что в домах бедняков свечи – несусветная роскошь, и они использовали в основном касторовое масло или рыбий жир. И поскольку практически все виды "топлива" поступали из съедобных источников, то времена голода обычно означали также времена темноты.

Фасад поместья освещался факелами из смолистого дерева, иного было не дано.

– Дочка, – мужчина, наконец, оторвался от документа и внимательно на меня посмотрел. – Рассказывай, что там у тебя стряслось?

– Я не помню, зачем в тот день, когда выехала на прогулку из усадьбы, взяла с собой все свои украшения, – да, звучало очень странно, но уж что есть, – вот только они сейчас находятся у Паолы, и она мне их так и не вернула, – скомкано договорила я.

– Хмм, – нахмурился отец, по его потемневшим глазам осознала, что он о многом догадался, но наезжать на меня всё же не стал. – Понятно, пойдём. Паола поди уже проснулась. Местный лекарь её осмотрел. В тягости твоя мачеха, – добавил он и лицо его вдруг разгладилось. Мужчина точно был счастлив, но пытался сдерживаться. – Только я сам с ней буду говорить, понимаешь же, что у Паолы наступил непростой период и ей сейчас никак нельзя сильно волноваться.

– Хорошо, – пожала плечами я. Если честно, с одной стороны, порадоваться бы за отца, у него будет второй ребёнок, а если мальчик, то и наследник всей его торговой империи. С другой, я прекрасно понимала, что настал звёздный час Паолы и та непременно будет вить верёвки из моего вновь приобретённого отца.

Опочивальня семьи Риччи находилась в этом же крыле, но в самом начале коридора. Комната была в полтора раза больше моей, кровать шире, на ней спокойно могли поместиться два человека, парочка внушительных сундуков-комодов у противоположной кровати стены, круглый стол подле окна, на котором я заметила чашу, заполненную спелыми сочными фруктами и кувшином с водой.

– Дорогая, – позвал отец жену, кто-то зашевелился среди вороха шуршащих подушек. – Как ты?

– Оо, дорогой! – послышалось из-под пледа, и я увидела темноволосую макушку мачехи. – Тошно мне, хочу поесть, но потом всё непременно лезет наружу, кажется, ещё чуть-чуть и я отдам Всевышнему душу.

Вопрос религии в этом мире я ещё подробно не изучала, но знала, что здесь есть молельни, куда ходили люди и зывали к Всевышнему (или ещё его называли Единый) один раз в конце недели, в воскресенье (*итал.: доменика*) подобное мероприятие было обязательным для каждого верующего. В остальные же дни по желанию, и санто (*слышащий*), так обращались к духовникам этого мира, был рад всем: в рассветные часы он читал проповеди. Эми часто ходила в молельню и рассказывала мне, какой тут санто Микеле замечательный человек. И как после проповеди он может уделить каждому время, выслушать, дать дельный совет.

Молельню я видела, она стояла неподалёку от поместья. Это было прямоугольное строение с узкими окнами-бойницами, из такого же камня, что и главный особняк. И никаких крестов, или иных религиозных символов из своего мира на ней (молельне) я так и не увидела.

Зато заметила прямо над входом висевший знак, вырезанный из дерева: круг, а внутри ещё один поменьше и непонятная загогулина.

– Паола, – мужчина подскочил к мачехе и опустился на край кровати, взял её тонкую руку, нежно погладил пальцы. – Это пройдёт, дорогая.

– Буэна сэра (*итал.: добрый вечер!*), матушка! – проговорила я, внутренне поморщившись. – Поздравляю вас с будущим пополнением!

– Ой, Роза, ты пришла наконец-то навестить мать? – раздражённо фыркнула она и даже нашла силы, чтобы приподняться на локтях и взглянуть на моё лицо. Паола и впрямь выглядела неважно, и тёмные круги под глазами не поддельные, а самые, что ни на есть натуральные.

– Я себя вот только сегодня почувствовала более-менее сносно, – честно ответила я.

– Дорогая, – отвлёк на себя, мою змеюку-мачеху отец, – ты не находила драгоценности Розы? Она их потеряла.

– Нет, конечно! – вполне искренне ответила та, бессильно откидываясь на ворох подушек. Те снова едва слышно зашуршали. Надо бы подсказать местным набивать их пухом, а не сухой травой, и мягче, и тише будет.

– Дон Дарио сказал, что вы забрали мои перемётные сумы себе, – быстро проговорила я и заметила, как глаза брюнетки яростно сверкнули.

– Сумки какие-то взяла, кинула в тот сундук, даже не заглядывала, – быстро отчеканила она и уже слёзно прошептала, обращаясь к отцу, – неужели считаешь меня какой-то воровкой? – всхлип, полный обиды.

– Нет, что ты. Пусть Роза заберёт свои вещи, ты, наверное, просто запямятовала их ей вернуть.

– Да, дорогой мой, совсем из головы вылетело. Так переживала за Розу...

Пока они мило щебетали, я подошла к указанному комоду, но замок был надёжно заперт.

– А ключик можно? – спросила, высоко вскинув бровь.

Отец устало вздохнул, встал и лично отпер замок.

– Вот твоя сумка? – показал он на коричневый кожаный вещмешок.

– Она там одна такая, – добавила мачеха.

Неуверенно взяв мешок, развязала горловину и заглянула внутрь. Украшения были на месте, но отчего-то мне показалось, если вспомнить описание, данное Эми, что тут чего-то не хватает. Бросила взгляд через плечо на мачеху, та как раз следила за каждым моим движением и выражение торжества на её худом лице я ясно уловила.

Вот тут встаёт вопрос: поверят мне или ей. А в свете того, что я якобы ничего не помню и полагаюсь на слова служанки...

– Отец, не мог бы ты сам посмотреть, всё ли на месте? – краем глаза заметила, как женщина чуть напряглась.

– Так я не помню, что там должно быть, – развёл руками отец, но всё же подхватил мешок и вывалил содержимое на стол.

Глава 13

Украшения сияющим дождём посыпались на гладкую поверхность стола. Кольца, тяжёлые длинные серьги, парочка браслетов, подвески... Драгоценные камни блестели в заходящих солнечных лучах, преломляясь на гранях и отсвечивая разноцветными зайчиками по каменным неровным стенам. Я заворожённо провела руками по золотому колье с немудрёными вставками из непростых сапфиров. Ох! Моё сердце, как и сердца многих женщин, будь они сейчас на моём месте, на миг замерло: сапфиры оказались чистейшими, тёмного, очень глубокого синего цвета.

– Тут не хватает серебряного набора из кулона и серёг с очень редкими каплевидными рубинами, что принадлежал твоей прапрабабке, – задумчиво перебирая всё моё наследство, заметил синьор Риччи. – Всё остальное на месте, – он нахмурился, поглядел сначала на меня, затем вопросительно на мачеху.

А говорил, что не помнит, какие украшения были у его дочери. Ха! Всё у него хорошо с памятью, даже более чем! Иначе и не могло быть, ведь Риччи прославился, как отменный купец.

Пока он проверял всё ли на месте, я краем глаза пристально следила за мачехой. Делала это так, чтобы со стороны казалось, что я очень внимательно смотрю на руки Жакоба.

– Паола? – тот момент, когда она заполошно стрельнула глазами на второй сундук, я не пропустила. Но Паола быстро взяла себя в руки и как ни в чём не бывало, зевнула. Очень спокойно и расслабленно, она поводила задумчиво своими большими тёмными очами по сундукам, по столу с кучкой бранзулетов, мазнула равнодушно по мне, и, остановив свой взор на супруге, заговорила:

– Я устала, милый. О каком наборе ты изволишь меня спрашивать? Эти безделушки я видела только один раз, когда ты вручил их своей дочери, объявив о её скорой свадьбе. Думаешь, мне удалось с первого раза запомнить всё то, что в этом мешочке было? – искренние недоумевающе – наивные нотки в её голосе восхитили меня необычайно! Просто прекрасная актриса! – И вы меня утомили! Оба... Я неважно себя чувствую, меня мучит голод и тошнота одновременно...

Синьор Риччи тут же как-то сдулся, хмурая складка между его бровей-щёток стала глубже, но совсем по другой причине: Жакоб позабыл о каком-то там гарнитуре, его встревожила беременная жена. Отец кинулся к ней со словами:

– Дорогая моя, может, воды? Лекаря в городе нет, он в отъезде, но сразу же после свадьбы должен прибыть сюда, в поместье. Надеюсь, его лечение принесёт тебе столь желанное облегчение... Всё, что хочешь, всё исполню, – уверял мачеху отец.

– Сегодня прибудет семья Гвидиче, – услышала я просьбу Паолы, – я сейчас отосплюсь, а потом, просто уверена, буду чувствовать себя очень хорошо! Познакомиться с Гвидиче большая честь для всех нас, они ведь очень именитые люди, и в фаворе у Его Величества, – соловьём разливалась она. – Жаль только, что они приедут всего лишь на этот вечер и завтра поутру уже отбудут. Дон Росселлини уверял, что их внимание дорогого стоит.

Я же не стала подслушивать дальше: быстро собрала своё наследство, закинув их назад в мешок, и, негромко попрощавшись с родителем и мачехой, вышла из комнаты.

Быстро двигаясь по коридору в сторону своей опочивальни, прикидывала варианты. Я отчего-то была уверена, что гарнитур прапрабабушки лежит у мачехи во втором комод-сундуке.

Ключ, который отец положил на стол, я прекрасно рассмотрела: он был точной копией моего. Ну тут можно было и не удивляться, поскольку примитивный висячий замок предполагал примитивную конструкцию и внутри. Все сундуки семьи Риччи точно делал один и тот же

мастер, и он явно не заморачивался над индивидуальностью. А вот комод Дарио, что стоял в его кабинете, был другим, и наверняка ключик с резьбой в замке тоже отличались от моего.

– Эмилия, – я ворвалась в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Но служанки в помещении не оказалось. Зато на столе стоял поднос, накрытый чистым холщовым полотенцем, убрав его в сторону, втянула носом прелестный аромат прозрачного бульона, куска ещё тёплого хлеба и чуть остывшего травяного отвара. И задержала взор на глубокой чаше, в которой лежала увесистая кисть спелых зелёных полупрозрачных крупных виноградин. При виде такого изобилия у меня мигом потекли слюнки!

Ох, и чтобы я делала без своей расторопной Эми? Присев на стул, принялась за еду. Когда практически закончила трапезу и закинула в рот сочную виноградину, в дверь негромко постучали.

– Госпожа, – внутрь прошмыгнула Эмилия. – Дон Дарио просил передать, что вас ожидают сегодня на малом ужине в честь важных гостей.

– Я не хочу идти, – тут же отреагировала я. – Это обязательно?

– Да, – вздохнула девушка. – Ваша свадьба состоится через день, знакомство с гостями просто обязательно!

– Как бы я себя ни ощущала? – всё же попыталась я, потому что это противоречило всем моим планам.

– Вас сегодня видели все гости, – резонно заметила девушка, а я поморщилась – ведь она права. Сказаться больной, когда ещё совсем недавно скакала аки горная козочка, будет весьма подозрительно и люди всякое могут подумать.

– Сейчас принесут бочку для умывания, после я вас натру маслами, мне синьор Риччи дал баночку заморских благовоний, – поняв по моему лицу, что я не собираюсь отлынивать от обязанностей невесты и будущей хозяйки поместья, Эмилия засуетилась. – О! Ваш вещмешок! Где вы его нашли? Неужели?..

– Да-да, именно там, где ты и подумала, – кивнула я и заметила, с каким осуждением покачала головой служанка. – Только кое-что всё же потерялось, я предполагаю, что смогу отыскать оставшийся комплект там же – в комнате синьоры Паолы.

– Ох! – в это момент Эми прибирала посуду на столе, аккуратно складывая тарелки на поднос. – А как же у вас это выйдет? Синьора Риччи ведь в последнее время редко выходит из опочивальни.

– Есть одна идея, – задумчиво протянула я, выйдя из-за стола.

Подойдя к кровати, взяла мешок с драгоценностями, после чего вынула из его недр большую золотую булавку, а, взвесив её на ладони, впечатлилась неплохой массой изделия.

– Эми, – позвала я помощницу. – Ты не представляешь, как сильно я тебе благодарна за всё то, что ты для меня сделала и продолжаешь делать. Этот небольшой дар – моя благодарность за преданность и дружбу, – в груди кольнуло и я, не удержавшись, крепко обняла девушку. Подарила бы и больше, но жабка не позволила: она и так чуть не придушила меня за выбор этой весьма увесистой булавочки из чистого золота.

– Госпожа Роза! Что вы! – воскликнула растерянная Эмилия, а я, разжав руки, взяла её натруженную ладошку и вложила в неё украшение.

Эми шокированно уставилась на свою руку, её нижняя губка задрожала, глаза округлились, а щёки стали ярко-алыми.

– Н-но... госпожа Роза, я никак не могу принять... это же золото, я даже боюсь себе представить его цену!

– Потому мой тебе совет, – я внимательно взглянула в глаза девушки, – закрути булавку в платочек, и пришей к нижней сорочке, и не вынимай, покуда не доберёшься до дома, а там с матерью решите, как поступить.

– Я... у меня нет слов! Граце! – и тут уже она кинулась обнимать меня.

– Ну всё-всё, будет тебе, – улыбнулась я, сама едва сдерживаясь, чтобы не разреветься. – Ты же не хочешь, чтобы на званом ужине я сидела с красным носом и припухшими глазами?

– Нет! О нет, конечно! – счастливо улыбаясь, Эми тыльной стороной вытерла слёзы, размазывая их по щекам. – Сейчас припрячу ваш дар и займусь вами, сегодня вечером вы непременно будете самой красивой!

– Это ещё не всё, – хмыкнула я, глядя, как девушка безо всякого стеснения задрала юбку и приколола булавку к своим серым панталонам. Выглядело это кошунственно, и отчего-то очень забавно. – Мне нужно будет время, чтобы пробраться в комнату мачехи и вскрыть сундук. Самый идеальный момент, когда они с отцом спустятся в общую залу. Твоя задача следить за ними и, ежели Паола вдруг надумает вернуться к себе в опочивальню, задержать её как-нибудь, например, спроси её о чём-нибудь.

– Но как же! Вы ведь тоже должны будете находиться среди гостей! – воскликнула девушка.

– Я чуток задержусь, – равнодушно пожала плечами. – Не думаю, что ужин начнут без меня. Я ведь невеста, могу подольше позволить себе прихорашиваться. Посему беги на кухню, отмени бочку. Принеси только таз с тёплой водой, некогда мне принимать ванну, – пробормотала я, прикидывая варианты, если просто обмыться и быстро натянуть на себя симпатичное платье, то я всё успею: и заглянуть в комнату родителей, и не шибко задержаться перед гостями и Дарио...

– Госпожа, – в помещение влетела Эмилия, – синьор Риччи с вашей мачехой только что спустились на первый этаж. Там уже почти все собрались, – добавила она. – Вы уверены?..

– Совершенно, – тихо пробормотала я, поглубже вдохнула и медленно выдохнула, отживаясь. В правой руке зажала ключ от своего сундука-комода, таким образом, набираясь решимости, и выскользнула наружу. Везде царил полумрак, освещаемый редкими лампадками на оливковом масле, кои висели на специальных штырях, вбитых прямо между камнями в стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.